

МАРТ

1 марта 1924 г.

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Снова пришли ваши прекрасные письма. Снова мы видим, как Логван перерастает в мирового трудящегося; как Авирах становится духовным поэтом; как Порума помогает росту учреждений; как Радна устремляется подобно каменной стреле; как Модра безгранично растёт в сердце и как тверда, словно скала, Ояна. Кто сможет собрать больше своего урожая, тот и будет богаче. Стройте дома широко; не набивайте сложными попытками; в делах нашего Учителя всегда простота и горение духа. Разве это не чудо, что в апреле к вам присоединяется Тарухан? И ещё одному брату можно написать в общем письме. Это объединённое письмо – как символ единого понимания и горения в духе.

Заметьте второе чудо: как награждается каждое достойное и успешное действие, как каждая неверность и эгоизм приносят с собой трещину в удачу. Это примеры Муромцева, Руманова, частично Ремизова и частично Завадских. Разве не удивительны эти вехи? Как даже небольшая скрытность или страх вызывали снижение результатов. Вы пишете, что около школы складывается как бы стена друзей. Так и есть! Но щит должен быть охранён, всё же эта стена как из стекла и так легко разбить её. Но вы не позволите чужакам войти в дом, и Кролл уже убрал свой лозунг.

Вы пишете, что купили что-то из американских художников, – очень хорошо. Это будет неспешным приобретением будущего Американского музея. Такая покупка намного лучше, чем все нынешние выставки. От них вы имеете только расходы, зависть и дополнительных врагов. Вы пишете, что миссис Штернер должна оставить свою галерею – так и будет, потому что у неё нет верной интуиции. У меня было послание для неё, но она даже не нашла времени услышать его. Вместо необходимого самопознания она развила в себе обычное тщеславие и самолюбие. Но самомнение всегда ведёт к негативным результатам; главное сейчас – это собрать стену друзей.

Прекрасно, что собрания детей растут. В самом деле, из них придут будущие энтузиасты учреждения. Воистину, через шесть лет возмужают молодые воины. К этой вехе мы должны также прийти с началом Американского музея. Нам кажется, что начало этой коллекции может висеть в апартаментах Логвана – так было в квартире Третьякова в Москве, но не спешите с накоплением, потому что каждый месяц ваши взгляды и суждения будут расти.

Если вы не можете организовать выставку в церкви, возможно, в музее – в Рочестере, в Буффало, у Истмана. Мог бы Клод Брегдон помочь? Кроме того, не могли бы вы сделать это в Музее как выставку по обмену для работ с К[орона] М[унди]. Всё это будет очень способствовать росту имени Учреждения. Передайте Халперту мои приветы. Впервые я увидел его картины в 1921 году у Джона Сполдинга в Бостоне и сразу полюбил его творчество; я верю, что он очень постарается оперировать новыми молодыми силами. Где хоть какие-нибудь директора в Музеях К[орона] М[унди] Если бы вы могли пригласить из Детройта, там есть деньги. Луис Бут всегда помогает Музею. Могли бы вы выяснить, когда В. Крокер из Фриско будет в N.Y., также пригласить Джорджа Эггерса из Денвера. Если бы кто-то мог прочесть лекцию о новых работах

К.М. – не счесть возможностей. Мы очень тронуты темой лекции Модры – как она прошла? Статьи (Авираха) можно было бы опубликовать летом, месяца через три после открытия Музея. Каждое движение вашей воли зажжёт в вашем сердце что-то ещё не пробужденное. И этот огонь осветит ваш путь дальнейшего радостного труда. Вы правы: нет расстояний для духа – мы всегда с вами.

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

1 марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

Message: «Погружаясь в высоты Космоса, надо найти соотношение Земли. Каждый момент готовы Мы покинуть всё земное, и в то же время Мы любим каждый цветок. В том мудрость – о чём унести воспоминание: о короне или о благоухании фризий. О кликах победы или о песнях пастухов. Самое милое, и самое нам не принадлежащее – лучшая поклажа в пути. Песня посылает нам здоровье, и цвет залечивает раны. Потому Говорю: счастливы понявшие звук и цвет. Изначально прикасались к звучанию и цветению. Древнее учение о звоне полно значения; венки и гирлянды полны понимания целения. Каждый по цвету излучения привлекается цветами – белый и лиловый сродни излучению фиолетового».

Родные и любимые. И вот мы снова дома в Потанге (дворце). Так наш дом называют тибетцы, потому что здесь жил Далай Лама. Обо всей поэзии нашего путешествия вы прочтёте в статье профессора Рериха; он проявил там добрый глаз. Хотя я тоже нашла там несколько жемчужин, всё же чувствуется запах отвержения. Во всех монастырях неопишуемая печаль, когда видишь этих защитников суеверий, которые извратили изначально, кристально чистое Учение Будды. Великая темнота окутала вуалью умы. Где очищающий огонь духа? Без сомнения, есть очень высокодуховные и мудрые ламы; вы почувствуете это, но вам ещё надо встретить их.

Так, Лама Ташидинга, пожилой человек около восьмидесяти лет, произвёл самое трогательное впечатление своей детской простотой, но ошеломляющей энергией. Во время Храмового празднества он был везде первым, заботился обо всём и всё же находил время прийти вечером в нашу палатку и рассказать нам много интересных легенд и поверий, связанных с этим местом.

Благодаря рекомендации полковника Бейли, здешнего политического чиновника, и Махарадже Сиккима нам был оказан самый почётный приём; везде на границах провинций были построены палатки из многоцветных тканей и из деревьев, которые были украшены цветами. Столы ломились от еды и напитков – что-то вроде нашей браги в посудинах из бамбуковых стеблей. Современные помещики встречали нас с подарками – фруктами, яйцами, цыплятами и даже травами для наших лошадей. Как дар благоговения, они вешали на нас хатыки, белые шёлковые шарфы; иногда к концу дневного перехода на наших шеях было до четырёх таких полотенец. Снять их, пока вы не вернётесь домой, недостойно, потому что это знак долгой жизни.

В монастырях встречи ещё более помпезные. Ламы в полных регалиях, мантиях, в высоких шапках подходят к воротам. Уже за четверть мили до монастыря вас встречают барабаны и трубы, и, сопровождаемые этой музыкой,

вы приближаетесь к воротам. Вся эта атмосфера очень живописна, и сначала вы даже растроганы, но затем начинаете обозревать великую нищету, во многих случаях невежество, и чувствуете, что всё сохранилось во многих случаях благодаря оставшемуся магнетизму великих душ, основателей священных мест. Но сами по себе они не могут дать ничего. Исключением может быть Лама из Ташидинга. О нём говорят как об обладателе мощной силы и просто энергичном человеке. Все улучшения, которые он провёл в своём монастыре, – прямые доказательства этого. И теперь, хотя ему восемьдесят лет, он строит новый храм. В своей статье проф. Рерих описывает, каким образом в этом монастыре каждый год случается чудо. Нам была показана чаша, но было трудно рассмотреть её вблизи, потому что она стоит в деревянном ларце, обёрнутая в белые хатыки и накрытая шапкой основателя монастыря, который благословил проводить эту мистерию. Говорят, чаша из камня. Нам было оказано великое благоволение, потому что, кроме Лам и представителей Махараджи, никому не позволено находиться при открытии чаши. В нашем присутствии она снова была опечатана всеми официальными печатями и поставлена на алтарь до следующего года. Вода в чаше уменьшилась – нужно ждать трудного года, временами – голода, болезней и восстания, но был дан и другой знак. На восходе, когда все ламы, сопровождаемые священными книгами, музыкантами, шли круговым обходом вокруг монастыря, они увидели на пиках гор, на небе гирлянды огней – замечательный для них знак.

Один Лама был ошеломлён моим кольцом-талисманом – вы помните, на нём образ, подобный гирлянде из радуги и стрел; такую радугу вы можете повстречать почти везде в оформлении всех монастырей, и такую гирлянду из огней они увидели в небе. Когда мы уезжали, ламы захотели нас провести по всем храмам монастыря. В главном храме нам подарили хатыки и сказали прощальные слова, которые были переведены нам, – восточный стиль был проявлен очень сильно: например, меня позвали оттого, что они видели вокруг меня те же самые знаки, которые окружали королеву Викторию – её вспоминают с благоговением. И не только это, но и что я – реинкарнация Тары, Богини. Это означает, как было объяснено мне потом, что во мне были воплощены несколько качеств богини. Согласно их учению, способности Великих Учителей частично воплощаются в избранных людях; вы можете себе представить, как трудно было отвечать такому высокому стилю. Мои дети дразнят меня и спрашивают, сколько стоила мне эта инициация.

Трогательна их вечерняя служба тысячи огней: маленький храм с украшенными деревянными колоннами, в глубине – алтарь и в нишах – фигуры Будд и Бодхисаттв в коронах и удивительных головных уборах. Перед ними светятся тысячи огней в урнах, похожих на латунные. У противоположной стены на ковриках сидят монахи в пурпурных одеяниях, на маленьком возвышении восседает старый лама, укутанный в пурпурную мантию и в большой красной шапке. Он сидит неподвижно, словно вырезанный из дерева, руки сложены в молитве, глаза закрыты, только временами в ритме музыки он встряхивает колокольчиком. Монахи с очень приятными басами сменяют молитвы, и временами прекрасно звучат трубы и барабаны. В середине храма женщины отвешивают поклоны. Высоко над головой поднимается скрещенное оружие, и оно трижды касается – головы, лица и сердца; они преклоняют колени, касаясь своими лбами земли, и делают это столь долго, сколько могут. Это вся служба. В монастыре мы увидели чудесную танку – она очень древняя,

лхасского рисунка. На тёмной чёрной основе тончайшие образы золотом, чуть тронутые двумя или тремя цветами. Её кромка из ткани жёлтого с серебром шёлка. Достать такие танки сейчас почти невозможно. Я не буду писать о храме и легендах, потому что повторю, что уже рассказано в статье проф. Р. Само путешествие нелёгкое; временами ни на лошадях, ни на носилках не пробраться. Приходилось идти пешком. Вся дорога состоит из подъёма на гору на высоту в семь тысяч футов и больше, а потом спуск в долину. И так мы шли в течение десяти дней. Все монастыри стоят на вершинах гор.

Иногда нужно было идти пешком несколько миль – в день мы обычно проходили от 13 до 19 миль. Особенно трудным был Ташидинг: кроме пешеходного подъёма и спуска нужно было пересечь бурный поток, водоворотами спускающийся с Канченджанги, шириной 60 футов. И пересекать его по двум бамбуковым стволам, связанным вместе. В то время как эти стволы очень гладкие и сильно вибрируют под вашим весом. Вам говорят держаться за палки, которые протянуты вдоль одной стороны на высоте вашей головы. Так что вы идёте, как будто распяты. Чувство довольно любопытное, особенно когда вы на середине мостика и знаете, что, если вы поскользнётесь, это верная смерть. И нет возможности помочь. И эти стволы под вашим весом изгибаются и скрипят, а те, что служат перилами, иногда так высоко, что вам приходится крепко держаться за травяные верёвки, которые протянуты для лучшего равновесия, которым не рекомендуется особенно доверяться. Но у меня не было страха, и, воистину, всё прошло прекрасно. Было трудно переправить лошадей. С одного берега на другой были переброшены верёвки. Лошадей привязали к ним и перетащили через поток.

Величайшим был восторг, когда мы утром отправлялись в путь. Невозможно рассказать вам об утреннем аромате воздуха, о красоте панорамы гор, о разнообразии флоры, потому что здесь северная и тропическая флора. Прекрасны были девственные леса с голубыми, жёлтыми, зелёными стволами веерообразных форм; мощные рододендроны, розовые персики и жёлтые мимозы, а также множество других, названий которых я не знаю. Везде плантации чая на искусственно возведённых террасах, которые поднимаются высоко в горы и уходят в облака. Было замечательно идти среди древнего леса, похожего на паруса. Мы шли сквозь него целый день. Трудно представить себе более захватывающее зрелище. Это был лес русских сказок, но гигантских размеров, со старыми гномами и чертями, с огромными змеями, висящими над вами, притаившимися тиграми и медведями. На стволах, разросшихся в толщину от мха и окруженных лианами, раскачиваются белые и жёлтые орхидеи, сияющие словно звёзды на тёмно-зелёном фоне мха. К пяти часам мы обычно достигали стоянки – надо отдать должное англичанам: они понимают, что такое организованность. Везде, кроме Ташидинга, где мы две ночи спали в палатках, около монастырей – правительственные бунгало из трёх комнат с четырьмя кроватями и маленькими домиками для кухни, слуг и конюшни. Весь наш караван из сорока человек и двенадцати лошадей имел ужин и чудесный ночной отдых. Много раз во время путешествия мы были изумлены приспособляемостью тибетских слуг к таким передвижениям. После пятнадцати миль перехода они, не отдохнув, сразу накрывают стол, даже ставят в вазы цветы; ужин был не хуже, чем наш обычный; к чаю поданы свежее испечённый хлеб и пироги. Застилались постели, и нам была дана возможность только отдохнуть и передвигаться. Всё остальное было сделано. По их соображению, Саиб не должен

ни в чём нуждаться, и особенно они заботятся о Мэмсаиб, это моя персона. Милые люди, хотя немного дикие. Не принимая во внимание, что я не понимаю их языка, я чувствую себя среди них в абсолютной безопасности.

Во время нашей экскурсии мои носильщики были поодаль от каравана, потому что я жалела моих лошадей и мужчин, и поэтому, дойдя до одной деревни, где был базар, мои мужчины взяли моих рикшей и пошли попить чаю около рынка. Конечно, меня сразу окружила толпа всех возрастов обоих полов со всей деревни. Все ужасно смеялись и были явно заинтересованы моей персоной, но очень дружелюбны, и даже предлагали мне мандарины. Я улыбалась им очень дружески и не чувствовала никакого смущения от этого внимания, но неожиданно сквозь толпу прорвался человек в белой рубашке, босой, подошёл к моему рикше, опустился на колени и начал делать поклоны до земли. Потом он встал и начал стирать пыль с моих ног и снова кланяться. Вы можете представить моё изумление и большое желание остановить это представление, особенно потому, что он, явно спровоцированный толпой, начал некий вид танца вокруг меня. Я неожиданно почувствовала себя среди дикарей, хотя подумала, что это, должно быть, местный дурачок, но быть предметом такого веселья меня и вправду смущало. Я значительно успокоилась, когда ко мне подошёл индус с детьми, который также с огромным интересом смотрел на меня. Я почувствовала в нём более близкую культуру и начала говорить с ним с помощью рук и глаз для того, чтобы прекратить эту комическую ситуацию. Он понимал меня очень хорошо, и я спокойно ожидала моих людей. Большинство этих деревенских жителей ещё никогда не видели европейцев. Неудивительно, что они так заинтересовались моими одеждами.

Несмотря на все восторги нашего путешествия, мы были счастливы вернуться домой и особенно оценили комфорт нашего rotang. Ещё больше радости было найти ваши письма. Как радостно было читать ваши слова о Логване – милый, милый Логван, он понял, что в большом сердце и широком понимании – все возможности. Я уверена, что дешёвый успех не будет искушать его; он не споткнётся на первых шагах [обретения] репутации и направит «глаз как у сокола» вдаль к той великой цели, к которой мы все стремимся. Считаю, что могу пересказать ему message, полученное нами:

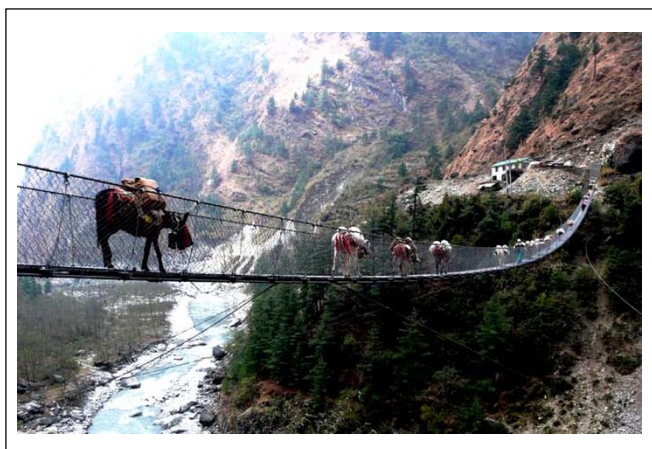
«Указ «Нояб[рь] 1933 – основывается акционерная компания, <Bullwar> (White) для разработки серебряных руд и опытов с радиоактивностью в её применении для возделывания почвы. Могут быть явлены особые источники снабжения. Последним посланием из Америки будет сертификат на имя Директора Компании. Николай <...> для передвижения к месту работ. Явлю подробности вовремя, сертификат будет помечен 24 марта 1927 г».

Порумочка, моя дорогая, моя самая родная, близкая моему сердцу, я передаю неоднократно желание Мастера повесить в твоей спальне «Сам вышел». Она должна понять оккультное значение образа Святого Сергия. Так много Его Сил в этих картинах. Кто видел, как они были написаны, понимает это. Чунда-хан живёт в мире и выполняет свою миссию.

Мы были весьма удивлены поведением философического магазина на Сорок первой улице по отношению к книге Учителя, потому что он под протекцией мисс Алисы Бейли. Вы знаете, о ком я говорю. Вы должны взять как правило. Если вы встречаете противоречие, не настаивайте. Модре я могу сказать строки Логвана о ней, которые очень сильно радуют моё сердце: «Громадное продвижение совершила Фрэнсис, вы больше её не узнаете. Я не умею

сказать о ней слишком высоко». Разве не прекрасны эти слова? Как радостно читать все ваши письма, полные любви друг к другу. Мои любимые, я всегда хочу послать каждому из вас мои лучшие слова и вселить в вас ещё большую любовь к радости и устремлению к высочайшему. Радна, Ояна, Авирах, иногда я хочу просто произносить вслух ваши родные имена. Спасибо Логвану и всем вам за Гребенщикова и Завадского. Не настаивайте на приезде Завадского. Пусть он приедет позднее. Берегите миссис Шафран; она приносит великую жертву, потому что видения всегда сказываются на здоровье. Где бы ни появилась возможность, дайте ей покой. Я обнимаю вас, мои родные, и чувствую всех вас рядом с моим сердцем.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ. яз.)

Подвесной мост в горах Непала. (Современное фото)

4 марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Теперь мы видим, как данные нам через Фрэнсис знаки и сроки говорят о той же буре и том же наводнении. Но благословение с теми, кто уже знает и предупреждён об этих явлениях. И даже мелкие тёмные слуги зла не будут опасны, если мы распознаем их. Хорошим людям скажите, пусть пишут нам через школу, и вы нам перешлёте. Плохим людям скажите, что трудно проследить адрес проф. Рериха во время его путешествий.

Перешлите эти три открытки. Попытайтесь передать миссис Робертс рассказ с фактами о Музее. Через Музей и К[орону] М[унди] придут новые люди. Хорошо будет пригласить по отдельности директоров Музея и побеседовать с ними. Крейн, вероятно, сошёл с ума, но пусть Гребенщиков навестит его. Можете дать заметку (заметка «Проф. Р. в общественности»).

Вернулись ли сёстры Левисон. Они станут друзьями дела.

Воздержитесь от любых связей с Юсуповым. Он может вовлечь вас в судебную тяжбу с Widener.

Посылаю вам письмо к Мерриту. Перешлите его с вашим письмом.

Я написал Селивановой, ей следует пробовать распространять свою книгу. Это правда, что неискренний и завистливый Сомов, а также нечестный Грабарь будут беспокоить своими персонами Америку в течение всего года.

Статья Авираха предназначена для еврейских изданий. Можно ли послать её в Каменец?

Крепко вас целую. Всегда с вами. Р.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

6 марта 1924 г. Дарджилинг

Е.И. Рерих. Дарджилинг. Фото от 6 марта 1924 г.

«Утром Н.К. и Юрий упросили позволить им снять меня в моём кресле. Изображение вышло в круге света.

- Редко удаётся показать её (ауру)».

Е.И. Рерих «Огненный опыт».

[10] марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые, посылаю вам две страницы, чтобы добавить их в «Струны Земли». В следующем году, когда придут мои картины, вы сможете сделать отдельную книгу – «Монастыри Сиккима», или, может быть, вы сможете найти лучшие названия. Книга Яковлева о Китайском театре, я слышал, дала очень хороший доход. Можно делать это через «Алатас» или через Меррита и Хирста. Я обдумал, в какой форме лучше написать этот рассказ. Думаю, в форме заметок лучше всего. Можно намекнуть о многих важных связях, не искушая врагов, но принося кому-то невидимому свет. Как это произошло в Америке, вам нужно будет [сказать о] содержании рассказа, можно дать следующее: *Явление почитания Майтрейи-Мессии в Тибете*. Легенда о единстве;

Священные места; Живые легенды; Чудо в Ташидинге; Полёт Таши-Ламы. Волна внимания к Тибету. Новый образ Майтрейи.

Когда мы пришлём вам это изображение, вы можете напечатать его в журналах. Вы могли бы показать его на встречах Теософского Общества, потому что в нём сокрыта огромная значимость, так как именно в Тибете был явлен первый образ. Мы уже видим, как вы это оцените.

Мы целуем вас и посылаем стрелы мужества и священного подъёма духа.
Духом с вами.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

Ю. Рерих и Н. Рерих. 1924 г. Дарджилинг, Индия

11 марта 1924 г. Дарджелинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Посылаю вам письмо с окончанием для «Струн Земли». Можете представить, как трогателен образ иконописца, играющего на флейте в сумерках перед незавершённым изображением Майтрейи. Так вы можете поместить его рядом с Мунтазаром-Мессией, которого ожидают мусульмане-шииты. Также прилагаю несколько снимков с дороги. Мы пришлём вам их ещё больше. Посмотрите на них через стереоскоп. Вчера был дан message, как начать коллекцию Американского музея. Искандер Ханум напишет вам. Смотрите, какие послания вокруг. Приходит всё новое.

Посылаем вам стрелы.

Духом с вами.

Мастер Институт Объединённых Искусств. 310 Риверсайд драйв.
Одна всегда памятная дата 24 марта. Мы шлём вам наши лучшие мысли,
пожелания и надежды.

Рерих.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

11 марта 1924 г. Нью-Йорк.

Приглашение на имя м-ра Галлен-Каллела на открытие Музея Рериха

Уважаемый м-р Галлен-Каллела,

Имею честь объявить Вам о даре нового храма искусства Америке - Рериховского Музея. Этот музей, предназначенный для экспонирования 300 произведений всемирно известного мастера, был основан при участии Института объединённых искусств и "Сорона Мунди", международного художественного центра, а также благодаря усилиям многочисленных американских поклонников этого художника.

Открывая постоянный дом искусства Рериха, но также его верой в американское искусство, которую он продемонстрировал Европе 25 лет назад, и великой созидательной силой его воздействия на художественную жизнь Америки с момента его приезда в эту страну.

Позвольте мне воспользоваться случаем – открытием его музея 24 марта 1924 года и объявить об этом даре Вам и Вашим коллегам и от всего сердца пригласить Вас присутствовать на открытии музея.

Сердечно Ваш,

Луис Хорш, Президент.

Публикуется по изданию: Елена Сойни «Северный лик Николая Рериха». Самара. Издательский дом «Агни». 2001. С. 128.

14 марта 1924 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Мужественно примите нападки жуткие. Дух ваш должен радоваться каждому действию. <...>

Лучше не писать о тревоге, жест спокойствия лучше. Скажите только – хорошее упражнение в человекознании. Но заготовьте две статьи: одна – **«О свободе передвижения предметов искусства»**, вторая – **«Врагам похвала»**.

Надо указать, насколько комичны перед вечными снегами прыжки преграждающие. Комичность надо показать ярко. Уяви усмешку без раздражения. Лучше пиши сейчас...

Дана автоматическим письмом первая статья.»

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 4. М. 2009.

15 марта 1924 г. *Talai Pho-brang.*

Н.К. Перих

СВОБОДА ВЕЩЕЙ

Вы спрашиваете, зачем мой музей в Америке? Как я сам отношусь, что мои картины прикреплены к чужой почве вне России? Но, во-первых, почему почва Америки чужая? Даже Аляска была русской и добровольно уступлена друзьям. Затем, почему мы будем связывать себя границами старых ограничений. Вся жестокая проволока уже снимается, и наши глаза начинают видеть гораздо дальше. Но теперь самое главное: зачем мы будем говорить об ощущениях человека, когда дело идёт о движении предметов, имеющих особенную жизнь. Часто мы видим, как предмет, всячески ограждённый и сохраняемый, первым погибает, и рядом вещь, почти выброшенная на улицу, живёт века. Слишком долго говорить о внутреннем значении вещей. Теперь особенно важно сказать, как в человеческой жизни, так и в жизни вещей «дайте свободу».

Дайте вещам жить, передвигаться и вносить новые условия жизни там, где сейчас они наиболее нужны. Особенно это важно в предметах искусства и науки. Смешны пошлости и заграждения и запрещения там, где творил чистый дух человеческий. Потому скажем, пусть предметы несут своё пламя очищения там, где сейчас им указано обстоятельствами. Кто может знать, какие причины складывают именно это следствие. И кто может утверждать, что, привязав творения к случайной почве их возникновения или случайности рождения автора, мы готовим для них лучшее место и значение.

Мне особенно легко сказать это, ибо я столько раз говорил о красотах России и указывал всё внутреннее значение народа русского. Зачем же не посмотреть теперь в будущее, когда неожиданные, но глубоко логичные мосты строятся между народами. И когда, право, трудно сказать, какой именно камень является лучшим основанием будущих нужных построений. Если я люблю Россию, то почему мне не любить Америку. Если я вижу прекрасные стороны этой молодой страны, наследия Атлантиды, то почему я должен забыть о сокровищнице русской, повитой всеми дарами мудрости Востока. Право, поменьше отрицаний, поменьше невежества, и границы расширятся, и блестящие возможности сами сплетутся в венки красоты, и невозможное вчера станет возможным завтра. Потому проще и светлее и во имя труда и красоты будем думать шире.

А предметы отпустим тоже на волю. Пусть творят свою жизнь, где и как указала им судьба, их сложившая.

Talai Pho-brang.
15 Марта 1924 г.

15 марта 1924 г. Talai Pho-brang

Н.К. Перух

ПОХВАЛА ВРАГАМ

Так вот и побеседуем. Вы будете препятствовать, а мы будем строить. Вы будете задерживать строение, а мы будем изоощряться. Вы будете направлять ваши стрелы, а мы достанем все наши щиты. Вы сочините сложную стратегию, а мы займём новое место. И там, где нам будет один путь, вам придётся в преследовании испробовать сто. И подкопы ваши лишь укажут нам горние пути. И когда мы подсчитаем движения наши, то вам придётся составить изрядный том отрицаний, а нас не затруднит этот подсчёт.

Право, невесело высчитывать всё, что не по вашим правилам сделано. Измочалятся пальцы ваши, загибая все случаи запрещений и отрицаний.

В конце же всех действий силы останутся за нами. Ибо мы изгнали страх и обучились терпению. И разочаровать нас уже нельзя. И каждую вашу уловку, ужимку, умолчание покроем улыбкой. И не потому, чтобы мы были какие-то особенные, а просто мы не любим отрицательных словарей. И каждый бой принимаем лишь в планах созидательных.

И в сотый раз мы, улыбаясь, говорим: "Спасибо вам, враги и преследователи. Вы научили нас искусству находчивости и неутомимости. Благодаря вам мы нашли такие прекрасные горы, где залежи руд неисчерпаемы. По вашей ярости подковы коней наших подбиты чистым серебром, не достигаемым в преследовании. Благодаря вам шатры наши светятся синим огнём".

Вам очень хочется узнать, кто же мы такие на самом деле? Где живём? Кто идёт с нами? Ведь вы сочинили о нас столько лжи, что даже сами теряетесь, где же граница. В то же время некоторые неглупые люди утверждают, что с нами идти полезно и выгодно. И никто из шедших с нами ничто не утратил, но получил новые возможности.

Где мы живём? Местожительств у нас много, в разных странах. И неусыпные друзья охраняют дома наши. Имена их мы не скажем, так же как не будем расспрашивать вас о местожительстве ваших друзей. И считать ваших друзей тоже не собираемся. И привлекать их тоже не будем.

Многие идут с нами. И во всех частях света на высотах горят дружеские огни. Около них доброжелательный путник всегда найдёт себе место. И, правда, спешат эти путники. Ведь кроме печатного и почтового слова, есть всякие сообщения без проводов. Быстрее ветра. В едином вздохе переносящие по миру и радость, и скорбь, и помощь. И как пламенная ограда, стоит охрана друзей. Такое уж теперь время особенное.

Не надейтесь привлечь к себе многих из молодёжи. Она теперь тоже особенная. Тоже в самых разных странах об одном мыслит. И легко находит ключ от тайны. Тайна эта влечёт молодёжь к прекрасному Жар-Цвету. И наша молодёжь знает, что самые жестокие будни могут превращены в праздник труда и находжений. Есть в ней мужественное сознание того, что суждено ей нечто светлое и большое. И у этого большого огня никто не отринут.

Знаем этих тихо приходящих после трудовых часов спросить, как же жить? И покрасневшие от работы пальцы нервно перебирают какую-то вереницу несказанных, нужных вопросов. Этим рукам нельзя подать камень вместо хлеба знания.

Помним, как они приходили в сумерках и просили не уезжать. И нельзя было сказать этим молодым друзьям, что не от них уехать надо, но для них надо ехать. Чтобы им привезти ларец.

Вот вы, отрицатели, опять спрашиваете, как мы можем понимать друг друга без ссор? По одному сознанию, что друг приносит только самое нужное. Друг не теряет время. И спор заменяется осуждением. Самое примитивное чувство ритма и меры вносит дисциплину свободы. И понимание единения, вне сомнений, лишь в светлых поисках преображает всю жизнь. И потом есть ещё нечто, что так хотелось бы вам услышать, но что вы можете найти лишь сами, сознательно и непреклонно, и благостно устремившись.

Вот вы не прочь стать важными и окутаться высокомерием, а упускаете, что "важность" есть верный признак вульгарности.

Вот вы говорите о науке, а каждый новый опыт вам кажется подозрительным.

Вот вы часто сердитесь и "выходите из себя". Между тем, это последнее надо применять как раз наоборот.

Вот вы осуждаете и сплетничаете. И тем самым наполняете воздух "бу-мерангами", которые потом щёлкают ваш собственный лоб.

"Бедный Макар" жалуется на шишки, больно его бьющие, но ведь он сам их раскидал.

Вот вы смеётесь над "уединением", а сами не знаете наиболее практического применения лаборатории жизни. Сами же вы стремитесь скорей выйти из слишком накуренной комнаты.

Вот вы часто притаиваетесь и опасаетесь. И боитесь. А между тем, страх есть худшая отравка, изобретённая самыми злыми существами.

Вот вы сомневаетесь и предательствуете, а того не хотите знать, что оба эти ничтожества происходят от легкомыслия. И не детям свойственно легкомыслие. Наоборот, именно с годами оно разрастается в очень безобразный огород.

Вот вы ужасаетесь, если вас обвинить в предрассудках. А между тем, вы наполнили ими всю вашу жизнь. И не поступите ни одной из ваших условных привычек, которые затемняют самые простые, жизненные понятия.

Вы настолько боитесь показаться смешными, что заставляете улыбнуться. И вы ужасаетесь призыву: "Будьте новыми, будьте новыми не на сцене, но в вашей собственной жизни".

Вы не любите разговоров о смерти, ибо для вас она ещё не существует. И вы отвели под кладбища изрядную часть мира. И вы тщательно вырабатываете ритуал похоронных процессий, точно этот предмет заслуживает малейшего внимания.

И вы избегаете слово "подвиг", ибо для вас оно сопряжено или со схимой, или с красным крестом. По-вашему, в жизни странно и неуместно заниматься этими понятиями.

Не будем даже упоминать о вашем глубоком уважении к денежным вопросам. Не необходимость, но культ для вас заключается в этих расписках срама современного мира. И мечтаете вы позолотить ваш заржавленный щит.

Когда же вы призовёте самого разрушительного Шиву, мы обратимся к творящей Лакшми. *Сейчас ведь Сатурн молчит, а Звезда Матери Мира окружает Землю своими лучами будущих созиданий.*

Вы обвиняете нас в заоблачной неосновательности, но, оказывается, именно мы заняты самыми жизненными опытами. И как неслыханно трудятся наши друзья, изыскивая способы новых опытов блага!

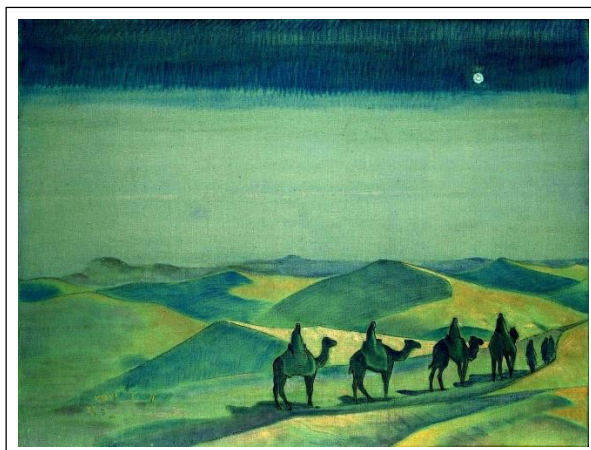
В раздражении вы называли наши находжения "барсовыми прыжками". Вы были готовы судить о нас, совершенно не зная, что именно мы делаем. Ведь вы будто бы осуждаете тех, кто говорит о том, чего не знает. Зачем же сами именно так и поступаете? Где же ваша "справедливость", для которой вы сшили такие неуклюжие театральные тоги?

Когда же вы будете думать, что мы, вам на радость, исчезли, это будет значить, что мы уже снова приближаемся новым путём.

Впрочем, не будем ссориться. Даже похвалить вас надо. Ваша деятельность нам полезна. И все ваши самые хитрые выдумки дают нам возможность продолжить поучительную шахматную игру.

15 Марта 1924 г.
Талай-Пхо-Бранг

«Сейчас ведь Сатурн молчит, а Звезда Матери Мира окружает Землю своими лучами будущих созиданий...»

Н.К. Рерих. Звезда Матери Мира. 1924.

17 марта 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

17 марта 1924.
Hillside Darjeeling.

Родной наш, ещё пришла одна почта, и опять все написали, кроме Вас. Неужели теряются Ваши письма? Уже писал Вам, прося помочь Чахембуле. Нельзя ли перевести его в Ригу на службу? Или помочь, чтобы Правительство дало ему заграничное поручение. Присмотрите за ним, он очень нуждается в дружеской помощи. Как его материальные дела? Ждём Ваших вестей — все Вас перегнали в письмах.

Духом с Вами

Публикуется по изданию: Н. К. Рерих, "Держайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012.

22 марта 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Пришло много ваших писем от 10 до 15 февраля и снимки дома. Как радостно было видеть столь величественное здание и дорогие стены с такими предметами. Могу представить, какими глазами смотрела на это Штернер. Замечательно видение Хилле. Она ничего не знает о воплощении ламы. И об Амосе довольно-таки ошеломляюще. Потому что никогда не было слышно о сне Толстого. Как бы она могла узнать об этом? Новые знаки идут потоком. Очень хороша статья Модры о музыканте. Это такой тип кратких статей, которые привлекают к себе внимание. Вклеили ли вы её в книгу с газетными вырезками? Вероятно, эта книга стала теперь очень толстой.

О развеске картин Иск[андер] Х[анум] писала вам вчера. Промерьте их со всех сторон, прежде чем прикрепите на место. Почему «Ангел Последний» не на подставке у окна? Вспомните наши записи о картинах. Они были у Авираха. Большие картины, как «Мост Славы», лучше поместить в верхнем ряду. Дверь в приёмную комнату лучше закрыть и прикрыть «Экстазом». Конечно, вам там, на месте, лучше видно. В подготовительной работе Кетунен могла бы очень вам помочь. Наши приветы ей. Мы думаем, её дух может подняться. Для дела очень полезно около себя иметь таких людей. Адрес Завель Зиманд, Поля Келлога – 112 East 19 Street. Он приезжает в июне. Если у вас трудности с размещением «Струн Земли», он, вероятно, мог бы помочь. Вы писали об изготовителе рам Антовилле – я такого не знаю. Рамы мне делали многие люди, но такого имени я не припоминаю. Он не плут? Почему Голдинг молчит? Получил ли Чикагский Институт два рисунка от Lanxelotti? Не спросите ли вы Шолле? Он организывает декоративное отделение Института. Удивительное письмо пришло от Тарухана. Он говорит о деловых соглашениях «Алатаса» таким же образом, как я говорил вам в последнем письме. Мы так ясно видим, как просто Тарухан и его жена станут полезными сотрудниками в общем движении. Вам понравится их жизнеспособная мощь в работе и находчивость. Посылаем вам снимок нашей квартиры. Пусть он хранится в вашем архиве.

Вы можете поместить его где-нибудь в журнале, как вид дома коллекционера. Даже лучше, если где-нибудь опубликовать, потому что квартира больше не существует, это только воспоминание – только в одном экземпляре. Даже после открытия Музея продолжайте улучшать развеску картин – потому что невозможно сразу расположить такое количество картин разных характеров и разных стилей. Как преуспеть в устройстве освещения и комбинировать дневной свет с вечерним светом. Это очень важно. На обратной стороне каждой картины есть указание, какой свет лучше. Хорошо, что вы написали Мукерджи. Но не ожидайте быстрых результатов. Стиль жизни здесь очень медленный. Абанидра Тагор¹ ответил на письмо о получении «Адаманта» через месяц. Что ж, в любом случае не следует ожидать спешного развития дела с серебром. Кроме того, вероятно, это дело, как и все остальные указанные дела, примет совершенно новое развитие и новый подход. Вы даже не можете себе вообразить, насколько творение Учителя всегда неожиданно, потому что цели и масштаб полёта нам на земле практически невозможно представить.

¹ Абаниндрат **Тагор** (1871 — 1951) — известный индийский художник и преподаватель искусства, основатель современной индийской живописи.

Тарухан прочтёт вам два моих последних письма с благословением на его отъезд. Я так рад слышать его мысли об «Алатасе», мысли делового человека, который хочет строить прочно и доходно. Через два дня наш годово́й праздник. Я хотел бы, чтобы этот праздник отмечали во всех наших кругах. Но только к первому мая мы получим новости – как прошёл этот день. По указу Учителя мы мощно посылаем вам синие стрелы. Очевидно, Он предвидит большую битву. И, если принять во внимание масштаб всех дел, битва должна быть великая. Иначе не будет соответствия. Здесь также проходит большое сражение. Как всё разрешится, никто не знает. Только не нужно поспешности. Монголия отдана Советами Китаю. Это хорошо для нас. Как сложно и уплотнено это время, и камни новых построений закладываются в новые основания. Сражайтесь против тьмы.

Духом с вами,

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ.)

Н. Рерих и С. Рерих. 1924 г., Дарджилинг

23 марта 1924 г. Висбаден

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рериху Н.К.

Висбаден.

Канун 24-го марта! (1924), вечер, 8 часов.

Тихо, уединённо, благостно на душе. С Вами беседуем и Книгу Учителя раскрываем благоговейно.

«Не думай о падениях, когда даны крылья для полёта».

«Нужно беречь себя и дотянуть до конца боя».

«Расы сотрутса в новом мире».

«Сумейте явить простор красоте».

«Будучи в доме, не ощущаем его, ибо мы в нём».

«Пыль книги почтенна, но дух парит без пыли».

Каждое слово даёт целую раду́гу представлений и чувств, но дух всё-таки не в силах объять необъятное, и только радостно, что это необъятно и непостижимо...

Мы лишь вчера приехали сюда, приурочив именно канун 24-го пробыть в уединении, а 24-го - в праздновании. Вчера же принялись чистить немецкую грязь в доме и в саду, и довольно хорошо настроились от физических усилий и

движений. Сегодня же и завтра будем беседовать с Вами и чувствовать себя объединёнными со всеми Вами и там, в Америке, где так волнуются все, возле Ваших дивных созданий, дорогой Учитель!

Сейчас, разбираясь в бумагах, Татьяна нашла запись своего сна от 23 мая 1923 г. Удивительный, изумительный это сон! Она непременно перепишет его, как только вернётся в Париж, и пошлёт Вам, ибо он предрёк, оказывается, нам Вас, орла руководящего.

А мы, все братья и сёстры, здесь, в Европе, в знак прощания с европейским материком, затеваем устроить 20 апреля, в 1-й день Пасхи, «Пасхальный вечер», посвящённый Вам, Николай Константинович, и будет читать Ремизов, и будут играть «Цветы Мории» Завадским, и будет моя лекция, оканчивающаяся Вашими «Пути благословения». Не знаю, как это выйдет и выйдет ли согласно, но зал «Мажестика» я уже снял и половину денег внёс. Думаю, будут осложнения с Табук-Черкес, ибо она должна петь партию Глашатая, это взял на себя Завадский, а я должен был уехать сюда, так как большинство моих бумаг здесь, да и с домом надо что-то сделать.

Не буду Вам описывать здешней жизни. Русских и иностранцев отсюда ветром разнесло куда-то, а немцы налились довольством и высокомерием. В общем, как-то всё уныло, хотя у нас на горке, вдали от города, очень хорошо, и солнечно, и тихо.

Скоро Вы получите мою книгу. Теперь, когда письмо это дойдёт к Вам (какой это удивительно чудесный факт, что вот эти строки придут к Вам и этот лист будет в Ваших руках!..), — книга, вероятно, уже будет частью прочитана. Буду уже в Нью-Йорке ждать о ней Вашего обстоятельного судебного решения. А с другой стороны: «Пыль книги почтенна, но дух парит без пыли». Грустно как-то думать, что, может быть, вовсе не нужно писать никаких книг!.. Может быть, доживу и до радости освобождения от желания писать их. Но когда что-либо читаю из Книги, во многом ещё недоступной, берёт страх: а что, если бы этой Книги не было совсем!.. И вообще, какой это был бы ужас, если бы мы не встретили Вас в Париже!.. Какое счастье, что мы Вас встретили и что Вы так почуяли на расстоянии и дважды повторили об адресе на rue de Messine. И вот минуло уже полгода, и минет год!.. И уже не жаль, что летит время, так как каждый день его что-либо приносит и приближает к Вам. Вот вернёмся 1-го апреля в Париж и там найдём самое любимое письмо с самым любимым почерком, любимее сына моего, глубоко любимого! Милые мои, родные и благословенные! Как радостно мне вновь и вновь сказать Вам эти слабые слова, так мало выражающие мои устремления к Вам!..

Ночь поздняя. Тихо вокруг - лишь беззвучно движется время, приближая Его день - завтра! 24-е марта.

Тарухан

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2003. № 12

23–24 марта 1924 г. Дарджилинг
Письмо Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

23 марта. Родные и любимые. Я начинаю это письмо накануне открытия Музея. Мы осознаём все уколы, которые вонзятся в вас. Но примем их спокойно, потому что мы живём в будущем, а они уже в прошлом. И мы любим битвы.

Потому что они вызывают огонь духа, порождающий творчество и действие. Мы любим достижения и победы. И спокойно принимаем успех. Мы стоим у стены и не признаём врагов. Было сказано, что «Порума не должна быть оторвана от дома. Теперь ей надо думать лишь о доме, держать руки в круге, не допуская врага». Мы думаем, что кто-то пытается проникнуть в наши ряды. Мы приблизим их. И не будем бояться. Это письмо, возможно, придёт накануне приезда новых воинов. И вам нужно будет поделиться с ними полученными новостями. Я говорю о Тарухане и его жене, которые приедут, наполненные силой веры и в духе устремлённые к вам. Поддержите их на новом пути. Не скрывайте от них свою любовь и преданность Ему. Покажите им результаты приближения к источнику силы и света. И, возможно, несмотря на то что они сильные и опытные, некоторые препятствия, изначально неизбежные, смогут как-то ослабнуть в своём напряжении. Потом не забудьте удачным словом и примером поддержать их. Пламя воспринимаемой любви не должно сиять, как тихий свет лампы. Пусть оно горит так ярко, как только возможно. И эта яркость может быть огромной у Тарухана. С Завадским будьте мягче; он чувствительный и нервный, чистый ребёнок. Вы должны проявить определенную осторожность с его женой. Она ещё очень многого не понимает и идёт, ведомая обстоятельствами.

Иногда мне странно, что я так много пишу о них, зная вашу интуицию и преданность делу. Но я так сильно хочу, чтобы вы стали к ним ближе. Мы послали вам продиктованную телеграмму. Вам придётся сделать некоторые исправления в развеске картин. Выбирая картины, вы создаёте одну большую новую картину, поэтому шкала цветов, структура линий в композиции, а также размер, освещение и другие условия должны быть приняты во внимание. Это очень трудно. Я знаю это по опыту. Много раз мы перевешивали нашу коллекцию до тех пор, пока всё определялось.

Теперь поподробнее о нас. Мы живём очень тихо. Мы видим только тех, кто находят нас сами. У нас есть много приглашений, но все они отложены до следующего года. Сейчас идёт очищение, в котором мы все очень нуждаемся, и особенно, по указу, – *моя персона*. Мы имеем чудесное письмо от Тагора, но визит в Шантиникитан – в будущем. Скоро он уезжает в Китай. По некоторым сведениям, не всё гладко в его организациях, и это не удивительно в такое трудное для Индии время.

Профессор Рерих много пишет. И будущим летом вы уже будете восхищаться видами Канченджанги, за пиками которой священный Ашрам. Кто изумляет меня, так это Святослав – он растёт во всём. Сила и смелость замечательны. Его первые картины и те, что он пишет сейчас, как небо и земля. Можно видеть его изобретательность в технике и в способах её применения. Он работает с девяти утра до позднего вечера, почти без отдыха. Он горит жаждой совершенства в работе. Написал уже двадцать пять вещей. Местные типажи в здешнем окружении. Неровность характера всё ещё видна, но нельзя и сравнить это с тем, что было. И когда вы видите мощь и различные качества этого духа, становится ясно, что не скоро он сможет утвердить себя и найти наиболее глубокое самовыражение. Юрий изучает тибетский язык, переводит книгу сказок и легенд, думает опубликовать её. Оба прекратили курить. Это великая радость. О себе могу сказать, что я беспокоюсь, что не смогу закончить и подготовиться. И поэтому нервничаю. И это отражается на моём здоровье. Но есть и другая причина для моего недомогания. Сейчас происходит из-

менение в ауре, которая подготавливается для приёма знаний духа, и потому предписано больше всего отдыхать. И даже нельзя ко мне прикасаться. Я придерживаюсь овощной диеты, почти не гуляю, но сижу у открытого окна. Я много читаю и пишу. Я веду дневник видений, который перед уходом, по указу, я пошлю в Америку. Всё время около себя я вижу белые, фиолетовые и голубые цветы. Было сказано: «Хорошо иметь такие в Моём Доме в Америке». Поэтому постарайтесь иметь больше фризий в горшках, а также голубые, сиреневые и фиолетовые цветы. Я видела Сад и много предметов, которые принадлежат лаборатории и рабочей комнате М. Вчера мне был показан ковчег, покрытый удивительной тканью, куда кладут начатые манускрипты. Вокруг ковчега – радужное сияние на серебряном фоне. Было объяснено, что покрывало ковчега было пропитано аурой, чтобы сохранить течение мыслей.

24 марта. Вчера, в канун великого дня, была замечательная беседа, и камень начал светиться огненными лучами. Позднее я передам содержание всей беседы, сейчас только часть: «Жучка пусть лает, когда великие дела совершаются. Иск[андер] Х[анум] может спокойно смотреть в прекрасное будущее. За год построены три дела, и в последний день оболочка прекрасная зажглась. Удачно дважды собрались двадцать четвёртого, являя щит одного дела и рождение оболочки другого». Последние слова относятся к моей мечте, сформированной в тишине. И вчера утром сначала чётко выражено словами: «Рост дел подобен лилиям». И удивительно, вчера ближе к вечеру, окутавшему наш сад, – зацвела первая белая лилия. Мои родные, имейте больше цветов, указанного цвета. Оккультное значение их велико. Рабочая комната М. заполнена цветами в горшках, много фризий в моей комнате, ими украшены окна. Святослав думает привезти для доктора Хилле образцы местных лечебных растений и корней. Ему было сказано привезти два местных лекарства в сыром виде. Оба поднимают жизнеспособность. «Хирам знал оба. Можно назвать их именем Хирама. Хилле найдёт решение. Если не удастся – Я помогу. Оно полезно Поруме».

Я думаю, вы можете намекнуть м-м Хилле об этом в письме. Страна здесь, включая Тибет, богата целебными травами, всё ещё не исследованными нашей медициной. Через несколько дней я напишу вам беседу об аурах, о психомагните, а также об интересном чуде с сосудом духа, о котором рассказал нам лама. И объяснено М. Вы будете понимать, как я подсказываю вам ожидать наши письма. Всё это время мы посылаем вам стрелы мужества и радости. Ваши фотографии висят напротив моего стула, и я стараюсь наполнить атмосферу дома самыми лучшими посылками. Я бы хотела видеть вас в этом окружении. Шлём вам несколько фотографий. Лучшего качества у нас будут в Калькутте, и когда мы вернёмся туда, отправим их вам. Родные, родные, я обнимаю вас и чувствую вас всё ближе и ближе. Ваша Иск[андер] Х[анум].

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

23-24- марта 1924. Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Н.К. и Е.И.

23-е Марта 1924 г.

Дорогие и любимые мои! Сегодня утром опять все осматривали всё в Музее. Всё выглядит торжественно, чисто, нарядно. Картины дивно освещают все

комнаты, и, надеемся, правильно висят. Уже расставлены скамьи, внесён в главную залу портрет Н.К. на мольберте, завтра всё уберём цветами. Полы все заново выкрашены, всё блестит, готовится к торжественному и великому дню. Погода чудесная, весна, думаем и завтра будет такой же хороший, светлый день.

Первые две приветственные телеграммы получены – от Макаренко из Киева, Академии Наук и сегодня из Музея в Риге, подписанная директором его. Очень знаменательны эти две вести! Ответы на приглашение прислали директора многих Музеев и Университетов Америки, а также президент Кулидж и жена покойного президента, Miss Wilson, Мэр города, Hulan, присылает своего представителя. Не могу Вам и передать, как мы все радостно взволнованы и как готовимся, как все думаем о том, чтобы достойно отвечать и врагам даже, а главное, чувствовать значение огромное совершающегося.

Сегодня днём собираемся опять, чтобы прочитать, по Указу, учение, данное 20-го Февраля.

Теперь привожу главу из рассказа Грант – переживания С.Ш. – Большой паук с потолка спустился – мы получим либо хорошее, либо плохое известие. – Молодой человек товарищу пожаловался на то, что он никогда счастлив не был. А товарищ сказал ему: «ты, голубчик, слишком много о себе думаешь, оттого и счастья не видал. Ты кругом посмотри и счастье увидишь. – Молодая девушка в открытый колодезь смотрела и увидела отражение Луны. Она подняла глаза к небу и сказала: серебряная луна ждёт золотое солнце. – Ал.М. ведёт за собой огромную толпу. – Дедушка зашёл в Reception Room, взял портрет Ал.М., занёс и поставил в главной зале Музея и одел на него большой венок. – М. Писал – любовь – кратчайший путь ко Мне. – он дальше писал: высоко Мой Щит держите – Я там. – Наш вчерашний вечер, любимые мои, был проведён в полной гармонии и любви. Ваше присутствие чувствуется каждую минуту. Не хотелось расходиться после светлой беседы.

Ночью мама видела следующее: Длинная процессия выступала Бел. Брат. Во главе её шли: М. весь в белом с длинными чёрными волосами на плечах, Держал бархатную лиловую подушку, на которой лежала накрест серебряная лента и на ней были буквы М.Н. (Мастер Николай). Рядом с М. шагал Ал.М., тоже в белом, но гораздо выше ростом, а по другую сторону его шёл дедушка, который нёс такую же подушку, на ленте её были буквы С.Н. (Святой Николай). Свет лился ослепительный от этой дивной процессии. Затем ей снилось, что Ал. М. пришёл, с засученными рукавами, якобы к больному (помните которому он, как мама видала больше года тому назад, сделали операцию) и сказал: Операция удачная и уход тоже прекрасный. Затем она видала надпись: Человек – Год.

Только что ушли Хорши и Грант, все читали учение 20-ого Февраля и тесно сплотились в любви и гармонии. Затем все просмотрели перевод легенды, прекрасно сделанный Фрэнсис. Завтра она идёт к Marrit'у и несёт ему легенду. Гребенщикову уже послана русская копия. Завтра пошлём Яруе. Статью Н.К. я кончаю переводить, а уже переведённые листы Фр. пока исправляет. Завтра допишу Вам все подробности.

24 марта 1924 г. Дивный прекрасный день.

Начался он светло и радостно, при тёплой, солнечной погоде. Утром мы все украсили комнаты корзинами цветов, красными розами, лилиями и

фрезиями. Комнаты были полны цветами. К 2-м часам мы все были в сборе, и уже начали приходить люди. В общем, было около 200 человек. Из прессы утром, когда я была в Музее, подошла барышня – репортёр из Times и я ей показала Музей и дала все подробности, какие она хотела для газеты. Может были и друзья, но мы не знаем. Mrs Withe, Leich, Halpert, из других артистов никого, хотя и решили в последний момент пригласить их. Бринтона не было, ибо завтра открывается выставка Анисфельда и он развешивал картины. Так передала Mrs Bockman мне, она была в восторге от Музея, много о Вас говорила, дорогой Н.К., и пишет Вам письмо, которое перешлёт нам для отправки. Были Mrs Sutro и Mrs Levi. Последняя пришла в восторг от Вашего портрета, который в первый раз увидела. Селиванова и Колокольникова привели много друзей, которым показывали и объясняли. Друзья очень интересные, многие из прессы и пришли в восторг. Ученики школы были в восторге. Mrs Bockman из Теософск. Общества привела очень интересных молодых людей, которые были глубоко тронуты картинами. Mrs Heller (представьте!) плакала от умиления и сказала, что вы – святой и что только сверх-человек мог создать всё это. Знаменательно! Был представитель мэра города, которому Louis показал Музей. Были все хорошие люди, которые глубоко прониклись духом картин. Мы много прекрасных, от всего сердца, слов слышали и видели на лицах чувство умиления. Bragdon был глубоко тронут, привёл своих друзей и им показывал. Он большой друг. Гусев-Оренбургский был очень трогателен, в особенности его потрясли Sankta и Messian Series.

Приблизительно в 6.30 все разошлись, мы радостные остались одни и, как раз пришло Ваше письмо, мои родные, со 2-ой частью статьи. Нашей радости не было границ – в этот день письмо от Вас! Должна Вам сказать, что мы все ощущали благое присутствие вокруг нас и у всех был мир и любовь на душе. А вечером, придя домой, получили дивные слова любви, которые привожу здесь: «Скажу – чувствовали с вами. Подняли первую завесу миру. Открылись у многих глаза и сердце. Дети Мои избранные, высоко вы знамя Моё держали сегодня. Не жгли масла, не боялись врага, уверены были в благом, потому пощадим вас от вражеских выступлений. Да, не легко рабам зависти обошёлся праздник светлый. Говорю – чтити достойно. Говорю – радовался вам. Говорю – будет удача всегда, где любовь. Мы с вами, благо идёт, благо близко, благо уже есть».

Мама видела дедушку, он шёл и держал зажжённую лампаду в руках, которую очень бережно нёс. – Столько красоты и радости кругом, любимые! Сердца наши переполнены благодарностью за доверенные нам сокровища! Только бы всегда достойно и свято охранять! Чудесные также вещи мама видела в ночь на 24-е. – Вошёл в Музей павлин, распустил свой пышный яркий хвост, осмотрелся кругом на картины, и вдруг потерял всё своё оперение. – Потом ноги мчавшейся белой лошади. – Затем Louis'a, который размахивал большим американским флагом и сказал Н.К – Флаг американский приветствует Вас. Всё, касающееся торжественного дня открытия Музея.

Утром 24-ого Фрэнсис понесла Легенду Мерриту, он просил оставить её у него на пару дней для просмотра. Если он не примет, обратимся в центры и другие места. На митинге у нас было решено устроить на Пасхе выставку примитивов, пригласить лишь окрестные школы и заинтересовать церкви, находящиеся недалеко от школы. Bossom предлагает устроить на будущий год

три контеста [конкурса – ред.]своего имени. На texture, architecture furniture design. даст на каждый по 150 дол. На днях он будет в школе и думаем ему предложить устроить все 3 вместе, в будущем ноябре, иначе слишком много времени и расходов уходит на publicity. Dahler уехал в North Carolina и покинул класс (Teatre Decoration). Ищем другого учителя. Но боимся – класс распадётся.

Пока горячо обнимаю и целую Вас, любимые мои,

Ваша преданная Вам Радна

Привет моим славным братьям Удрае и Люмоу.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

26 марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Скажите нам, как бы вы теперь предпочли открывать Музей: только для друзей и, информируя музеи вне города, или пригласить многих, и критиков, и чистых, и нечистых? Что лучше? Конечно, сейчас это чисто теоретическое рассуждение. Сейчас полезно приглашать школы, клубы, организации, включая заводы. И каждая новая битва приносит новый опыт. Было сказано: «Желайте врагов, но не делайте их». Только что мы получили письмо для «Америкэн экспресс» о том, что книга Селивановой задерживается, как крамольная литература. Мы не удивились, потому что были заранее предупреждены Учителем. Но если книгу не разрешат пропустить, то К[орона] М[унди] может начать процесс против английского правительства на сотни тысяч долларов за клевету на компанию и инсинуацию. Значит, К[орона] М[унди] – крамольное и подстрекательское издательство. Вы можете даже дать в прессу, что биографию художника рассматривают как призыв к мятежу. Какая реклама для Селивановой, и это письмо приходит как раз на следующий день после открытия Музея. Так притягивается поток людей.

С обратной почтой, пожалуйста, пришлите нам статью Бальмонта, она будет нам нужна. Нам очень не нравится комбинация Юсупова и Яджинского. Серьёзно скажите Завадскому не приближаться к ним. Очевидно, Юсупов пришёл, чтобы начать процесс против Уайденера. Ваше последнее письмо с программой сольного концерта пришло просто открытым и вложенным в правительственный конверт. Истинно, мы впервые под подозрением. Таково невежество полиции. И в книге Селивановой упомянут лорд Гленконнер, родственник короля. Пишите нам обо всех ваших битвах. У нас было много указаний.

Духом с вами Р/х

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ. яз.)

28 марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Это письмо уже и для новых прибывших. Как чудесно, что дерево в Америке разрастается. В письмах от 17 февраля вы написали, что некоторые картины делают людей лучше. Это правда, но это имеет отношение к тем, кто может возжечься от того же луча. Всё противоположное ста-

новится ещё яростнее. Потому мы говорим: действуйте через друзей, которые уже проявили себя. Потому что трое друзей не улучшат то ошибочное, что сделано через одного допущенного врага. Надеемся, что наши письма о самом скромном открытии Музея пришли вовремя, и враги не найдут врата открытыми. Это уже отжившая форма – открывать что-нибудь с приглашением местных чиновников. Гораздо современнее просто открыть двери, дать жизни наполнить новый сосуд. Это не от страха, это просто осознание истинной необходимости дел. Это только замена старой рутинной формы на новую; создайте, только принимая свет и затворяя врата перед тьмой. Ничего обычного. Всё новое в утверждении сознания бытия. Всё новое более практично, потому что нет необходимости с муками расчищать пыль, принесённую ногами врага. Иногда он на долгое время заносит в щели затхлость и омрачение атмосферы. Когда вы говорите о людях, принимайте их не только такими, какие они есть, но учитывая тех, кто их окружает. Говоря о Бальмонте, вспомните его друга Прокофьева. Если вы говорите о Юсупове, не забудьте, что вокруг него все виды Мажировых и прочие ползающие существа. Поэтому всегда лучше с новыми. На этом пути меньше пыли.

В прошлый раз мы послали вам документ о мятежности моей биографии; теперь новый курьёзный случай. Главный лама Дарджилинга получил письмо на тибетском из Калькутты о том, что на вилле Хиллсайд живёт французский король. Мы живём так тихо, и всё же некоторые слухи разносятся. Мы не были удивлены, потому что две недели назад были предупреждены (указом М.), что такая легенда существует. Ждём с большим нетерпением, как будет продвигаться «Алатас». И какие экскурсии были в Музее. Где адрес русской школы для рабочих, в которой преподаёт Муромцев. От Яруи не получали ещё никаких писем и беспокоимся, не задержаны ли они. Со всеми этими «Легендами» все можно ожидать. Нет ли каких новостей из Чикаго. Вы спрашиваете, какой стих на дереве [Америки] лучший – пусть решит Учитель. Всё время приходят замечательные Послания. Как дошла фотография Иск[андер] Х[анум] с аурой? Недавно был дан целый трактат о формировании и взаимообмене в аурах. (Какие нервные центры затрагиваются при этом. Так важно получить от вас информацию о том, что произошло 4 и 5 февраля. Оба кольца стали полностью чёрными на два дня, а все остальные серебряные вещи остались сияющими. Была ли явлена какая-нибудь атака или клевета, или случилось что-нибудь, что даст плоды в будущем? Вспомните все обстоятельства этих дней, мысли, планы, решения, потому что кольца никогда так сильно не чернели – тёмно-красные с каким-то очень тёмным стальным отблеском.

Вчера Иск[андер] Х[анум] видела Буддиста в белых одеждах. Он прошёл и сказал: «Трипитака» (название священной книги). И сегодня эту книгу нам принесли. В ней молитвы о Майтрейе и молитва к созвездию Большой Медведицы, переведённая с уйгурского правителем Тимуром. Каждый день новые явления. Кстати, записано ли вами о явлении в Метрополитен-музее человека, который рассказал мне о будущих событиях. Так много явлений стёрлось из нашей памяти. И как записать всё, как все вместить. Теперь у вас есть историк Тарухан. Постепенно знакомьте его с явлениями. Он должен знать их. Видения, и что было сказано голосом. Для «Алатаса» и для других дел не привлекайте сразу ненужных людей. Вы должны сами укрепить ваши имена, потому что укреплением деятельности Круга не должен быть эгоизм, но практическое созидание будущей деятельности. Целуем вас крепко. Духом с вами.

Пожалуйста, понаблюдайте, не будет ли каких-то плохих извещений 29 или 30, потому что сегодня было сказано: «Завтра будут представлены неподобающие высказывания. Очень прошу мужественно принять нападения. Первое условие нашего Братства – не сожалеть о прошлом, но овладевать будущим».

Не беспокойтесь о картинах на дереве. От каждой перемены климата они будут трескаться, а в течение года они снова деформируются. Метрополитен, Чикаго, Эрх Дювен имеют много картин на дереве. Их только нельзя вешать и хранить рядом с калориферами. Лучше там повесить холсты. Сколько их всего у вас? Сколько денег пришло от учеников.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ. яз.)

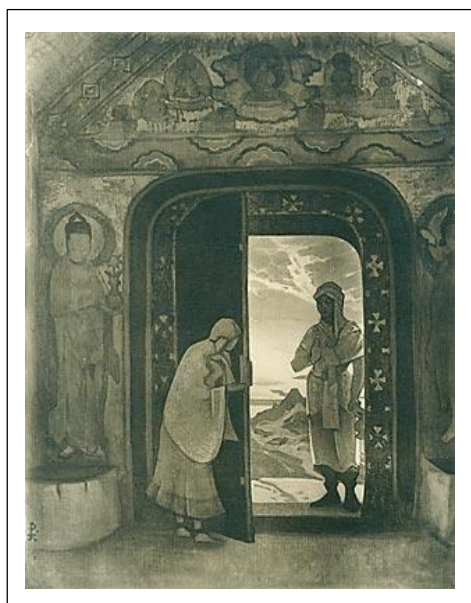
28 марта 1924 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

«Ездили в Гум. С великой любовью возложили белый хатык на изображении Владыки Майтрейи в Храме монастыря».

30 марта 1924 г.

Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

Н. К. Рерих. Вестник. 1924.

Е.П. Блаватская.

«Украсим имя Бл[аватской] музеем, предав туда «Вестника», скажите: «Последняя мысль великой женщины была об искусстве, уместно напомнить это посвящением музея Бл[аватской]». Издание явленного «Вестника» со статьями пойдёт в фонд музея. Удержите это в памяти. Сам укажу набор статей. Поручаю теперь же списаться о даре с условием наименования музея. Можно читать, как Бл[аватская] перед смертью об искусстве».

Публикуется по изданию: Записи Учения Живой Этики. Т. 4, Москва. 2009.

31 марта 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к Безант А.

Дарджилинг. Вилла Хиллсайд

Дорогая д-р Безант,

Великая основательница Теософского Общества Е.П. Блаватская в своей последней статье отмечала важность Искусства. Она предвидела будущее значение этой великой созидательной силы, которая поможет построить Грядущий Мир, так как Искусство есть кратчайший мост между различными нациями. Мы должны всегда помнить эту последнюю мысль великой личности, и самым простым способом сохранения её в умах навсегда было бы основание в Адьяре Музея Искусства, посвящённого имени Е.П. Блаватской. Такое Учреждение привлечёт сердца представителей каждой ветви Искусства и соберёт новых людей вокруг места, где возникло так много высоких идей. Если Общество желает рассмотреть моё предложение, я готов предложить в дар Музею Блаватской мою картину «Вестник», которая была написана здесь и посвящена памяти этой великой женщины. Эскиз картины можно увидеть в Музее, посвящённом моей деятельности, недавно открытом в Нью-Йорке. Кроме того, я могу проинформировать вас, что американский Издательский дом «Алатас» готов опубликовать небольшую и недорогую книгу с репродукцией упомянутой картины и несколькими статьями, выражающими ведущие идеи моей деятельности. Все эти статьи издавались в журналах в Америке, Англии и Индии. Чистый доход от этой книги может быть добавлен в фонды Музея. Если это предложение соответствует намерениям Общества, я буду рад узнать ваше решение по этому предмету по адресу, указанному выше.

Искренне ваш Николай Рерих.

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (перевод с англ. яз.)

АПРЕЛЬ

[1- 2] апреля [1924 г.] Дарджилинг

Из письма Е.И. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

«... хочу описать вам встречу в день нашего приезда в Дарджилинг.

В трёх милях от Дарджилинга, встречая наш автомобиль, со стороны горной тропы появился паланкин, наподобие богатого портшеза. И в нём достаточно молодой лама около тридцати или тридцати пяти в полном облачении и на голове – тиара, которую они носят в торжественных случаях. Это одеяние сидело на нём прекрасно, и весь его прекрасный облик изумлял своей красотой. Приблизившись к нашему автомобилю, но приветливо улыбнулся нам и сказал своим слугам остановиться, уступая нам дорогу. Мы все четверо были ошеломлены его появлением и обернулись назад, чтобы ещё раз посмотреть на него. Он также, обернувшись назад, продолжал улыбаться и смотреть на нас. Очень долго мы говорили о том, кто бы это мог быть, и решили, что это был главный лама монастыря Хеми.

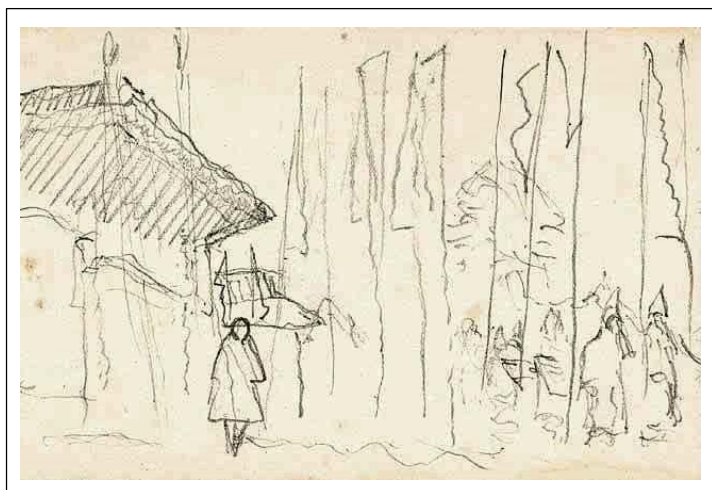
Мы поехали в Чун, повидали всех лам и даже одного очень важного из Ташилумпо, проехали через Сикким и все его монастыри, но нигде не встретили никого, кто бы напоминал этот образ. Мы пытались расспросить у лам, но никто не видел в этот день того ламу, ни в Чуне на дороге, по которой мы еха-

ли, ни в Дарджилинге. Наш лама уверил нас, что нам это показалось! Всем четверым, в семь утра!

Одно нам стало ясно, что красоты и совершенной ухоженности, которые поразили нас так сильно, нельзя найти здесь. Но через несколько дней всё объяснилось. Я увидела буддийского монаха в белом одеянии, который призвал меня уделить внимание «Трипитаке», священной буддийской книге. Лицо монаха в видении странным образом напомнило мне образ ламы, который произвёл на нас такое сильное впечатление. Вечером было сказано, видите его уже второй раз, явление нашего ученика; он приветствовал вас, а теперь напомнил перевести всё о Майтрейе. Должна рассказать вам, что я слышала вчера: «Он хочет, чтобы шторм в сердце не носили, идти по завоёванному пути». А вечером послание, что в Америке надо как можно лучше распознавать людей.

Теперь большинство писем будут общими для круга и новых братьев и сестёр, потому что у меня всё меньше и меньше времени. Сейчас происходит усиленная тренировка моего слышания. Я прикасаюсь к проводам Братства. Впечатление, как в редакции большой газеты. Я должна практиковаться в разное время, но в основном, ночью, когда всё тихо. Я записываю всё, что возможно уловить; выходит как мозаика, но которая даёт решённый цвет. На следующий день даются объяснения, добавления и исправляется то, что не было услышано ясно. Если бы не физическая усталость, я бы могла слушать всю ночь и утро подряд. Но я должна останавливаться посреди ночи. Иначе это нельзя долго выдержать... <...>

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк (машинопись перевод с английского)

Н.К. Рерих. Эскиз с буддийским монастырём. 1924.

**2 апреля 1924 г. Дарджилинг.
Письмо Н.К. Рериха к Шибееву В.А.**

Hillside Darjeeling.

Родной Яруя,

Наконец дошло Ваше письмо. Конечно, в духе мы следим за Вами, но очень важны и письма. Это не переписка - это история роста духа. И полезно

[часто] кристаллизовать свои мысли и подводить письменный итог своим переживаниям и росту. Потому пишите еженедельно, как делают и в Америке, и Тарухан. Ведь сейчас происходит величайший опыт сближения сфер, и все мы, призванные к работе, должны особенно чутко и находчиво фиксировать все детали нового достижения.

За четыре дня до Вашего письма было о Вас следующее. Привожу текстуально: *«Скажу очень важное: люди мало изучают видения. Именно по характеру видений можно писать лучшую историю интеллекта. Тема эта хороша для Яруи в будущем.»*

Изучая даже грубые памятники видений, видим какие-то периоды. Когда из Христа начинали делать недосягаемого идола, наступал период видений Христа в самых жизненных формах. Он оказывается близко входящим в жизнь. Короче сказать, на каждое общественное заблуждение является корректура. В дни унижения женщины можно проследить появление Божьей Матери. Теперь, когда надо проявить непрерывность цепи между землею и небом — единение проявлений на разных планах» (дано 26 марта).

Такая забота о всех, и всём даётся какая-либо блестящая возможность. Потому *действуйте* находчиво и разнообразно, помня, что самые неожиданные возможности посылаются.

Получили ли Вы статью от Тарухана для газеты «Сегодня»? Если она была напечатана, пришлите нам 5 или 7 экземпляров. Если статья послана была прямо в газету, то справьтесь там. Неужели нет писем от моего брата и от Митусова?

Пошлите им открытки, скажите, чтобы через Вас переслали.

Хорошо, что Вы прикасаетесь к искусству. Из этого источника получается самое близкое достижение. Может быть, Вам пришлют из Нью-Йорка мою статью «Струны земли» - можно её дать в «Сегодня» и в журнал «Эсперанто». Вы не пишете о Ложе. Как она существует? Как отношения с Синевич? Сказано: «Желайте врагов, но не делайте их». Так много можно бы написать Вам глубокого, но сейчас нельзя доверять бумаге. Кстати, многие письма приходят к нам раскрытыми, а книга Селивановой («The World of Roerich») даже была задержана и сочтена «мятежной литературой»! Такова глупая подозрительность, которая всегда ищет на пустых местах. Пишите о движении «World Service». Пишите о всех деловых предположениях, ибо теперь всё идёт не по старой мерке. Пишите о Ваших сосредоточениях над Платом и о всех переживаниях духовных. Я Вам посылал слова для составления фраз на каждый месяц. Каковы получились фразы? Как Ваш друг Виринген? Двигается ли по пути? Нет ли новых?

Конечно «Awaken» не может войти в «Алатас». Это прекрасная книжка, данная Учителем К.Х. Но даже Книга Учителя М. была издаваема вне издательств. Кроме того, без особого Указа невозможно издавать Учения других Учителей. Хотя все эти Учения очень близки, но первое условие — держаться своего Луча. Лишь в случае особого Указа можно распространять деятельность. Вам будет важно знать, что Елена Ивановна получила дар *слышать* голоса многих Братьев и Сестёр Белого Братства. Производится опыт огромной важности.

Получили Вашу телеграмму к открытию Музея. Спасибо. В этот вечер мы сидели вчетвером. Были даны глубокие Учения. В разных частях света уже одновременно сидели наши сестры и братья, устремляя всё своё лучшее прино-

шение Нашему Вождю. Из Америки получены интересные указания о чуде с редактором Мерритом и г-жой Кетунен. Во всём забота, идущая с Высот. Как у Вас отношения с Джоном Крейном, посылаете ли ему корреспонденции из Риги. Не может ли и Чахембула писать ему из Литвы? Вообще, пригласите Чахембулу. Нельзя ли его устроить как-нибудь в Риге? Пусть идёт он бодро и находчиво. Крепко Вас целуем все.

Духом с Вами, Н.Рерих

2 апреля 1924

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2002. № 1
Оригиналы хранятся в архиве Латвийского общества имени Рериха.

2 апреля 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

2 апреля.

Родные и любимые. Сегодня пришло письмо и статья Тарухана, полное сердечного понимания, полное действий поверх рутинного понимания толпы. Как трогательно он описал мою символическую смерть в Сибири, где я никогда не бывал в теле. Истинно, придётся добраться до Сибири, хотя бы в новой оболочке. Также пришло письмо от Яруи. Тарухан называет его Володечка, но нужно привыкнуть пользоваться данными именами.

Яруя предлагает опубликовать в «Алатасе» русский перевод «Awaken». По нашему мнению, этого нельзя делать – даже книга Учителя вне этого издательства. Кроме того, книга «Awaken», дана Мастером К.Х., а мы должны распространять учение нашего Учителя, и без особых указов включать в круг другие, очень близкие учения не разрешено.

Я уже писал, что картины на дереве должны храниться очень осторожно, реставрированные картины особенно склонны трескаться. Часто через год картины привыкают к климату. Кроме того, помещение картины в ящик часто её повреждает, и это сделать может только опытный мастер.

Чудо с Мерритом нас не удивило, потому что он был указан давно. Потом это только вопрос времени и обстоятельств. Передайте ему мои уверения, что он ещё примет участие в общем деле. Ему давали статью Тарухана? Скажите также Кеттунен, что я уверен в её возможности восхождения и самосовершенствования. Итак, вы имеете ещё двоих вновь подошедших.

О Гузиеве нет указаний. Поэтому понаблюдайте за ним, но пока не приближайте. Хорошо, что вы продолжаете улучшать развешивание в Музее. Это не делается сразу. Сегодня утром под наши окна нанесла визит целая команда обезьян (радость для Ремизова). А сейчас вечер, и позади дома целый хор гиен. Сейчас у вас всех едва ли есть время, и у нас такая же болезнь. Жизнь так заполнена, что невозможно ухватить всё, что проносится; так зло человечества, скука, минует тех, кто под щитом.

Духом с вами,

Р

P.S. Алтай означает: страна благословенного камня, так прочёл недавно Юрий.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (машинопись перевод с английского)

*6 апреля 1924 г. Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Е.И. и Н.К.*

6-ое Апреля 1924 г. N.Y

Дорогие и любимые мои!

Задержала я письмо от 2-ого Апр., ибо не было парохода, посылаю оба вместе. <...> Louis был с письмом к Нобелю у Зутро и тот отказал его подписать. Затем попросил Louis'a, вернув его, когда тот уже ушёл, забрать свою визитную карточку, ибо у него, мол, в office нет места для разных визитных карточек. Ведь это оскорбление, но возникает важный вопрос – как собирать подписи, одному ли ему, как он это теперь делает, или каждому из нас, между друзьями? Пока подписи есть Bragdon, Bookman, Pole (учитель будущий у нас), сегодня поговорим с Селивановой. Собирать лишь между друзьями? Хотел он пойти к Otto Rahn'у и Lewisson'у за подписями, не зная их. Мы отговорили, но хотели бы знать какой должен быть подход к людям. Я советую послать к Dr. Hille в Чикаго там собрать подписи и другим друзьям в разные города, где имеются истинные друзья. Что Вы думаете, родные, это конечно на будущее. Затем, сколько подписей должна иметь приблизительно петиция? Надо ли послать отдельно имена и адреса подписавшихся? Должны ли подписи начаться на листе письма, а затем продолжаться на следующем?

Прошу, родные, дайте нам указания, ибо в незнании и поспешности, боюсь, наделаем глупости. Хорш должен завтракать на днях с Мериттом и он у него попросит подпись, кстати, поговорит о Легенде, которая ещё у него.

<...> Забыла сказать, что Boswell был, и как нам они передали, был ужасно неприятен. Выбрал совершенно другие, Хорш его взял тоже в Музей и он всё время молчал. Затем, любимые, ещё важный вопрос, картина, купленная Вами «Въезд Наполеона в Москву» обозначена Хоршем ценой в 1000 дол. для продажи, а, кажется, стоила 30 дол? Правильно ли ставить такие высокие цены не только на эту, но на многие картины? Каков должен быть вообще штандарт для цен? <...>

Родная моя Е.И., сколько радости доставило нам Ваше описание поездки по монастырям. Как мы чувствовали всю красоту и значение этой поездки и как нам было дорого знать о каждом Вашем приключении. <...>

Когда мы проникнемся этой огромной любовью друг к другу, которую Вы нам даёте и на которую всё время нас направяете, тогда будет осуществлено Ваше желание и процветут благие дела. Ежечасно будем стремиться к этому, пока не осознаем и достигнем. Каждое Ваше слово к нам, нас сближает теснее. На днях Вы оба мне снились, любимые мои. Будто приехали на 3 дня, пришли к нам в квартиру и много любви и утешения пролили на нас своим светлым присутствием. Повторяю, я Вас всегда чувствую близко. <...>

Крепко обнимаю и целую Вас, любимые мои, всегда преданная Вам в служении

Радна

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

6-8 апреля 1924 г.
Из дневниковых записей Е.И. Рерих:

6 апреля.

«Было дано понять, что нужно изменить картину «Мать Мира», которую писал Фуяма. Очень мучился с небом – не выходило... Показаны две картины. На одной – в серебристом сиянии на синем фоне сидящая фигура; её быстро закрыли другой, с тремя фигурами с левой стороны, тоном темне, но близким к первой...»

«Надо, чтоб картина Матери Мира вышла. Небо лучше бирюзовое, и деревья не нужны. У Нас есть эта картина – Ур. Подаёт ковчег. М. не надо писать мудро, как можно общее. У ларца можно сияние показать». (Е.И. Рерих. «Огненный опыт»)

Н.К. Рерих. Мать Мира. 1924.

Фрагмент левого нижнего угла картины с ковчегом.

8 апреля. Из дневниковых записей Е.И. Рерих:
«Фуяма ...знает, как важно послать «Мать Мира» в Америку»

7 апреля 1924 г.

Письмо Н.В. Кордашевского к Рерихам Н.К. и Е.И.

7.4.1924

Дорогой Учитель,

Давно не имел от Вас известий. Я теперь очень занят, заканчивая последние главы той повести, которую я думаю поместить в одном из русских журналов, издающихся в Берлине. Вот выдержка из основного плана последних глав.

«Я знаю, что Вы радуетесь и печалитесь за каждого из нас. И поэтому спешу сказать Вам, что моё настроение становится очень бодрым. С одной стороны, новые подошли. И следует отметить, что наиболее отзывчивый материал - женщины. Но их недостаток при громадной интуиции - нервность, почти истеричность. Работа доставляет мне большое удовольствие. Попутно я делаю сравнения между Л.С.М.² и Евангелием - большие нахожу я там аналогии, и это тоже доставляет мне большое удовлетворение. Живу я теперь один

² «Листы Сада Мории», первая книга Учения Живой Этики. Париж, 1923.

в деревне - там также для меня много прелести, откровения в созерцании вос-
кресающей природы, любовное отношение ко всяким зверям и зверушкам.
Много новых мыслей ассимилировалось с душой, мыслью, купленных ценой
больших страданий, через горнило которых я прошёл эту зиму. Боюсь сказать
заранее - но в материальной области начинаются какие-то просветы. Один из
них - это мысль, озарившая меня, точно данная мне, - это эксплуатация табаку,
- что должно дать большие деньги. Случайно явился ко мне человек, знаток
табачного дела, при помощи которого я думаю создать у себя табачные план-
тации в имении.

Конечно, когда придёт час вестника - я всё это брошу. И интерес к этому
у меня поверхностный.

Как я уже говорил, внешне моя духовная работа проявляется совершен-
но мало. Не вижу, не слышу над Священным Платом — но... внутри, в подсо-
знательном, идёт какая-то работа, и большая. Результат же проявляется не
сразу, а уже потом, и как будто независимо от этой работы, и только внима-
тельно следя за причинами, можно уловить, из чего этот результат создан.

Вообще же, с большим спокойствием жду я того момента, когда придёт
оседлать коня. И спокойствие это имеет в себе мощь и уверенность».

Сюда дошло, между прочим, известие о землетрясении в Харьковской гу-
бернии.

Большое лишение - это отсутствие книг. Всех тех, которые Вы мне реко-
мендовали, - я не мог достать. Значит почему-либо - это пока ещё не нужно.
Мои переживания душевные - мало поддаются анализу ума и плохо перево-
дятся на язык человеческий. Вот почему я не могу вложить в моё письмо то
содержание, которое бы хотелось.

Есть у меня и странная мысль: как будто я должен получить из Ваших
стран меч. Археологическую редкость, саблю, принадлежавшую темнику Зна-
мени Большого коня. Мысль. Но в этой области никогда не знаешь, есть ли это
интуиция или игра воображения.

Шлю с любовью привет.

Чухембула

Архив Музея Николая Рериха в Нью-Йорке

8 апреля [1924 г.] Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

8 апреля.

Родные и любимые.

Снова пришло много ваших писем от третьего и восьмого марта, и снова
мы радуемся. Логван, мы очень рады Вашему письму к президенту. Оно очень
достойное. Я прошу Вас написать ему, что Вы передали мне его пожелания и
приветствия, и я прошу Вас выразить ему и в его лице народу Америки мои
лучшие чувства, которые я всегда испытывал к этой сильной свободной
стране. И мою радость, что мои творения могут быть полезны, особенно в
этой стране.

Мы также порадовались, что вы не спешите с Корона Мунди. Вещи не те-
ряют своей ценности, и опыт накапливается только постепенно. И невидимые
друзья приходят только вовремя. Я выслал заметки, моё имя снова связывают
с Анисфельдом. Это значит, снова злоба, потому что в любом случае он нико-
гда не забудет того, что был моим рабочим и писал по моим эскизам. Игорь и

Псковитянка. Он тёмный. Как прошла выставка, обойдённая вниманием Грабаря[?].

Авирах, мы думаем, что Ваши статьи, если таковые будут опубликованы на еврейском, должны быть подписаны новым именем и отосланы, главным образом, в Латвию, а также продвигайте их в Россию. Не создавайте для себя в Америке никакого ненужного противостояния. Где висит «И продолжаем лов» (красное небо)? Эта картина требует тёмный потолок. Какие пятнадцать картин размещены в классах? Мы так рады, что дети притягиваются к школе. Для них Музей – необходимая пища. Когда будет чайная комната, эти молодые люди будут собираться там. Это будет место общения.

Тарухан, Вы пишете о пробуждении Вашего сына. Это не удивительно, потому что луч братства проникает во многих окружающих. Пусть он растёт. «Простота, Красота и Бесстрашие». Так было повторено вчера. Вы не пишете, в чём выразилось пробуждение Ремизова.

Морей, Вы не Василий, а Морей, и должны годиться этим именем. Пишите каждую неделю, просто, как это делают все. В письмах Вы будете кристаллизовать свои мысли и подводить итоги завоевания духа и материи. Бесстрашно и находчиво идите. И в созидании цементируйте пространство.

Татьяна, Вы завоевали себе большую честь, потому что Вам дано имя, о котором Вам напишет Иск. Х. Сказано, что Вам можно доверять. Очевидно, в это время Вы в мыслях или действиях проявили твёрдость и защитили дела.

Как успешно Модра ведёт издательское дело. И язык формируется твёрдый, сознательный и призывный. Прекрасно! Хорошо также, что ещё раз стало ясно, что не объявления, а статьи и устное слово приводят новых друзей и учеников. Правильно сократить рекламу. Как точно Порума и Модра оценили Боссом. Поистине, именно так вы должны принять его. Его преувеличения добродушны и могут принести некоторую пользу. Его жена несколько умнее.

Порума, не утомляйтесь – рост дел бесконечен, и для всего нужно найти уголок в Вашем чувствительном сердце. И также Радна – Вы даёте так много, пусть лето восстановит утраченные силы. Летняя школа в Мориях – это только вопрос вашей силы и финансового расчёта. Если материально это начинание не будет убыточно, то почему бы и нет? Вообще избегайте очевидных признаков убытка.

Жертва Ояны полезна для неё самой. Разве не так, что бывшие малые горизонты побеждаются новыми возможностями. Всё к лучшему. Что-то подобное было с Чахембулой. Поистине, мы имеем чудеса. Новые возможности Иск. Х. дают результаты не только духовной, но и огромной научной важности. Никогда ещё прежде не производился такой опыт, и никогда не воспринимались такие записи. Когда думаешь о данных возможностях, сразу открываются двери в новые тайны, и это благословение деятельных тайн приносит сияющие одеяния будущему миру. С презрением отбросим всё мелкое и клеветническое, потому что это позволит войти в узкие врата Света. Простота, Красота и Бесстрашие. Так заповедано.

И на этом целуем вас, любимые.

Духом с вами

P.S. Книгу Селивановой разрешено пропустить.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись перевод с английского)

9 апреля [1924 г.]

Письмо Н.К. Рериха в издательство Алатас.

Директорам «Алатаса».

Сегодня мы получили три книги Селивановой. У всех книг явно испорченный вид. Они не достойны наших учреждений. Обложка везде криво напечатана, не в центре. Все начальные буквы колонок пляшут, как если бы они были напечатаны дилетантом. Специальные обозначения различного характера, как например, Москва и Петроград, напечатаны все по-разному. Всё вместе это имеет скверный небрежный вид. Весь переплёт сразу же разваливается на части. Из-за всех этих фактов мы должны уйти от сотрудничества с Зелюком, потому что ему было сказано, что эти две книги должны быть образцом для будущих заказов Америки. Приходит мысль: неужели нельзя было найти в Америке для английских текстов дешёвую местную типографию; возможно, в каком-нибудь университете или школе, а для русских текстов можно было попытаться в Риге, или снова в Германии или Чехословакии. Конечно, Рига более удобна, принимая во внимание транспорт в обе стороны. Если Зелюк такой ненадёжный, необходимо что-нибудь продумать для будущих изданий. И цвет обложки – Зелюк не мог предложить что-то другое. И со всем этим вместе взятым, сотрудничество с ним выглядит как вход в убийственное логово, где каждую секунду можно поскользнуться на какой-нибудь гнили. Пример Тарухана с подменой всех его бумаг, заставляет нас принять меры предосторожности. Мы должны быть особенно осторожны, потому как, провозглашая Красоту, мы берём на себя ответственность давать что-то прекрасное. Между тем работа Зелюка напоминает нам работу кустаря. Это означает, что нам никак нельзя связываться с Зелюком контрактом со всем этим неисправным товаром, но [необходимо] тем временем искать другого печатника. В Праге в университете есть профессор Макаров. Почему бы не спросить его о тамошних условиях работы. «Алатас» - это не временный издательский дом. Не знает ли Дымов какого-нибудь другого американского печатника? В Америке старинная провинциальная жизнь, так что и цены там должны быть ниже. Спросите Спенсера Келлога из Буффало, не будет ли там чего-либо хорошего.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского, машинопись)

11 апреля 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

Родные и любимые. Я прочёл Эпос Тарухана. Он имеет большое значение. Посреди мелочей жизни, среди мелких ужимок и животных телодвижений появляется большое творение. Появляется синтез эпоса, волн жизни и искр будущих построений. Это так трудно сочетать, но так необходимо вместить, что книга эта может быть названа не личным успехом, но выражением настоящего с проблесками будущих возможностей. Почувствовать жизнь до дна и не закрыть глаза на её высшие храмы – это дар света и лучший залог будущих побед. «Не уходите от жизни», «Идите львами», «Простота, Красота и Бесстра-

шие» - всё это окружает творение Тарухана и являет собой все самые практические воплощения. Вот почему мы радуемся этой большой книге. Мы радуемся Сибири, где вырос этот большой человек. Мы радуемся, когда растёт что-нибудь по-настоящему большое. Мы ждём Василия Чураева и знаем, что его горизонт спокойно охватит земную и надземную эпопею. Так мы думали, когда читали и после прочтения Микулы. И на этом мы целуем Тарухана, поскольку он может создавать и усиливать это радостное понимание. Часто ли такое происходит в наши дни?

Теперь о внешнем виде книги. Никогда не печатайте буквы золотом! Золото нам не нужно. Не нужен броский вид обложки. И, главным образом, не должно быть больше этого знака. Теперь мы ещё раз понимаем, почему наш Учитель Дал мирный щит с твёрдой неприступностью стрелы. Ради Бога, не меняйте данные символы, потому что в них лежит *сила*. Пусть Звенигород и Чураев несут Щит Знака Учителя. То, что я скажу в кавычках на первой странице о книге, может быть [использовано] при обмене мнениями.

Прилагаю адрес профессора Руднева – возможно, он мог бы быть представителем в Финляндии. Сделайте вырезку знака со стрелой и пришлите нам несколько отпечатков. Всё время «чудеса». Сначала к нам пришла стая обезьян, потом летающие белки, затем показались олени. И Лама сказал, звери чувствуют праведность. Вчера пришёл брат Далай Ламы, который женат на тётке махараджи Сиккима – чтобы посмотреть дом (они называют дом *Talai-Pho-brang*, дворец Далай Ламы), и попросил наши фотографии, чтобы послать их Далай Ламе. Но ближе к вечеру произошло самое удивительное. Главный Лама Дарджилинга принёс нам своего старинного Будду и сказал, что во сне к нему пришла фигура женщины в белом и указала принести нам Будду. «Я уже понял, что вы необычные люди», - сказал Лама. И потом нам было *объяснено*, что по указу Свыше к нему приходила Сестра Ориола. И так явления растут, и что-то происходит помимо наших желаний. (название дома может быть написано с артиклем)

Тибетский художник закончил Будду Майтрею и теперь пишет тот же Образ для вас – для Америки!!

Адрес: Андрей Дмитриевич Руднев. N. Vallgatan, 21. lok 3 Viborg. Finland. Профессор монгольского языка. Превосходно знает английский. К духовному близко ещё не подошёл, но есть некоторые указания.

Полезные адреса для всех связей:

1. Ицузо Такенчи, с/о Seiho Takenchi, Oike Aburanokoji Киото, Япония, (коллекционер, поэт и писатель).

2. А. Кумар Халдар. Директор Школы Искусств в Джайпуре. Джайпур. Раджпутана. Индия. (Художник – друг покойного В. Пирсона).

Было бы хорошо попросить японца ответить. Пошлите ему книгу Селивановой.

Светик просит вас сказать, что его картины стоят от \$220 до \$400 – на ваш суд. Сейчас он много и непрерывно работает. Юрий поехал в Гангтон, столицу Сиккима. Надеемся, он привезёт какие-нибудь тибетские картины.

Сегодня пришёл ещё один Лама из <...> с коллекцией картин, и так собрание обогатилось ещё двумя. Одна слегка испорчена, но другая прекрасна. На чёрном фоне с золотым сюжетом *Тантрики*.

Так хочется сказать вам: каждый день приносит новые просветления. Но я закончу тем, с чего я начал: книга Тарухана радует нас. Это не случайная вспышка, не просто история, но отображение целого мира, содержащегося в ней. И стиль убедительный и волнующий. Каждый успешный шаг кого-либо из нашего братства нас приятно радует и волнуют. Идите львами, львами. Путь так широк.

Удивляюсь я Когану. Почему он потратил деньги от 80 до 100 <...>. Почему была назначена [для печати] статья Маковского. Если он пропустит лучшие для себя сроки, напишите ему серьёзно. Как можно ему доверять, если он пишет, что книга появилась в феврале. Примем во внимание, [что] одна книга – его издание – не так важна, но своеобразие такого издателя поразительно. «Алатас» может взять за образец, как не надо делать дело. Теперь мы посылаем фотографии нашей квартиры. Вы можете разместить их где-нибудь в журнале. Это только пример теперь уже несуществующего дома и коллекции того времени. В журнале какого-нибудь клуба («Женщина») они могут напомнить людям о примере нашей коллекции.

Духом с вами

Р

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (перевод с английского, машинопись)

11 апреля 1924 г. Нью-Йорк

Письмо З.Г. Лихтман к Рерихам Н.К. и Е.И.

11 апреля 1924 г.

Дорогие и любимые мои!

Сообщаю Вам радостную весть: сегодня мама купила на русской выставке картину Нестерова «Видение Св. Сергия» за 500 dol. Это та самая картина, скетч [эскиз – ред.] с которой Вы купили вместе с Хоршем прошлым летом.

Её цена была 1250 dol., но, конечно, никто из нас не мог пойти, и вот мама была выбрана и очень умело говорила с Сомовым, который после долгих переговоров уступил ей. Особенно хотела иметь эту картину Порума для школы, зная, что скетч будет возвращён Вам в будущем. Нам всем картина очень близка и дорога. Размер 45½ x 38½ . Конечно, никто из русских художников ничего не подозревает, ибо маму никто не знает, и она дала свой личный адрес, мало того, уплатив за картину, она взяла её с собой.

Любимые мои, мы были бесконечно счастливы, получив Ваши светлые письма. Страницы, посланные Вами, мы присоединили к статье, но перевели на английский лишь 1-ю часть её, теперь примемся за 2-ю. Русскую копию пошлём (уже напечатана на машинке) Яруе, Шкляверу, Чистикову и дадим Тарухану при его приезде сюда, чтобы он переслал в Париж. Уже не успеем

ему выслать, ибо он выезжает 22 апреля. Счастливы его приезду, даже и сказать Вам не могу!

Конечно, он будет огромным работником. Bossom вызвал сегодня, предложил ещё 2 contest, в общем он даёт 6 – furniture, architecture, stage, costume, textile, song. Жертвует на это, кажется, 1500 дол. Но разве можно всё это дать в один год? Он хочет их все дать в будущем году. Затем, родные мои, ведь Вы кажется против выставки после окончания контеста? У нас теперь выставка этих костюмов после контеста Atlantis – ужасно неприятно, всё ходят разные ученики других школ, осуждают данные призы. Очень бы хотелось узнать, что Вы об этом думаете? Представьте, в одной газете была одна нападка Claude Bragdon'a за лекцию, данную им у нас в школе. Враги стараются. Класс Theatre Decoration закрылся, учитель уехал, а другого не нашли. Трудно с этим классом. Теперь у нас будет 2 недели выставка работ всех учеников по живописи. Оставшиеся картины, которые не поместились в Музее, висят у меня в классе со вчерашнего дня. Вся комната осветилась и ученики все любят их и говорят о них. Можно ли из коллекции Cor. M[undi]вешать на стенах лестницы и на стенах других классов, как например, большой балетной? Спешу отправить, простите за спешное письмо. Обнимаю и целую Вас крепко, всегда в служении

Ваша любящая Вас Радна

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

14-18 апреля 1924 г. Нью-Йорк
Из письма З.Г. Лихтман к Рерих Е.И.

14-ое Апреля 1924 г.

Любимая, родная Е.И.!

Я за последние дни думала и недоумевала над многими вопросами и, как всегда в серьёзных случаях обращаюсь к Вам за помощью. Почему всё же друзья школы, или же вообще дружески настроенные и высоко уважающие Н.К. люди, к которым мы обращались за последнее время, не только не относятся хорошо, но даже уходят от нас. Приведу несколько случаев. 1-ый Вы знаете – Хорш пошёл к Зутро, прося его подписать петицию к Нобелю, он отказал и просил его забрать свою визитную карточку из office, 2-ой случай с Мериттом, он вызвал Frances, рассказал ей про поразительный случай, как он среди белого дня у себя в office видел перед собой Н.К. и его рука несколько раз написала Dargieling. После этого он много обещал сделать, Frances ему понесла легенду, Lowis у него был несколько раз в office, 1 раз с ним завтракал, он сказал, что придёт в Музей, но пока не пришёл, Легенду отошлёт. Ибо говорит, что не может её употребить и пока ещё ничего не сделал. <...>

Сегодня получили Ваши чудесные письма, одно к Поруме, а также и фотографии. Как дорого нам видеть Вашу комнату, рабочий стол, стены, мебель, каждую мелочь, хочется всё близко, близко разглядеть. <...>

Родная, думаете ли Вы, что Музей должен быть закрыт летом на Июль и Август? Лекция, прочитанная Селивановой во вторник о "World of Roerich" была очень тёплая и искренняя. Она очень хорошо её составила и мы предложили ей, чтобы она постаралась её поместить в журнале каком-нибудь. Относительно Легенды – трудно поместить. Frances была в Century, говорила с редактором лично, но он сказал, что в такой форме, как она сейчас, трудно что-либо сделать. Он посоветовал ещё обратиться в "Dial", что мы и сделали.

Гребенщ. тоже пишет, что трудно её поместить в Париже и он не знает, удастся ли. Яруе она послана, но от него ещё нет ответа, поместил ли он её. Представьте себе, родная, вчера Bossom вызвал Frances, что он хочет в числе жюри, одного из устраиваемых им контестов, иметь Dr. Britton'a, *своего лучшего друга*.

Придётся, конечно, согласиться, главным образом, из-за того, чтобы не озлобить Бриттона. Но как придётся быть осторожным с ним, чтобы он не пролез в Corona Mundi! Не знаю, хороши ли будут контесты Bossom'a для школы, он настаивает на 6-ти: Textile, furniture, interior, architecture, costume, song. Даёт для расходов по устройству 500 дол., т.е. разослать 5000 копий и сделать нужную рекламу. Очень он хочет себе устроить имя на этих контестах. Призы 100, 50, 25 дол. Только бы он не загрузил нас разными требованиями, да, кроме того приводом нежелательных людей.

Уже скоро год, как Вы уехали, как он промчался! <...>

Ваша бесконечно любящая Вас *Радна*

Целую Вас всех крепко, мои любимые, в духе всегда с Вами.

18/4/24

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк

15 апреля [1924 г.]

Письмо Н.К. Рерих к сотрудникам в Нью-Йорке

15 апреля.

Родные и любимые.

Опять сразу несколько ваших дорогих писем. Только Морей молчит. Вы пишете о русской выставке. Конечно, если можно выдержать аренду в \$22000, очевидно, в их руках до сотни тысяч, и, вероятно, где-то далеко лежит моя статья о четвёртом Интернационале, но, конечно, только чистые руки должны совершить обнародование. Вы совершенно правы, позвав Грабаря, Сомова, Сетима. Когда я был избран председателем Мира Искусств, все голосовали за меня, кроме Сомова. Понаблюдайте эту выставку: во что выльется это явление. Очень жаль, что Гусев-Оренбургский связан с аморальным Дукельским. Храните себя от него, он верный слуга другой стороны. Также предупредите Селиванову о том, какого рода это явление. Теперь, когда дело развивается, мы хотим просить вас всех охранить Президента Логвана: не позволяйте ему быть слишком много на переднем краю во время случайного обстрела. Где только возможно, пусть президент будет внутренне охраняемой фигурой. Чрезмерная лёгкость в подходе, как правило, очень мало помогает делу, даже если наше совместное дело только начинается, но, зная его будущее значение, мы должны принимать меры целесообразные как началу дела, так и его развитию. Безграничный, потрясающий размах дел иногда может даже тяготить вас, но нужно приспособиться к такому пониманию, поскольку такое чувство знакомо даже Белому Братству. Тарухан писал, как 24-го марта он неожиданно почувствовал пронизывающую тоску, конечно, это неприятное чувство, но оно делает честь его интуиции, потому что в тот день летали вражеские стрелы. Мы должны это чувство принять во внимание, только испытывая, близко ли оно нашему щиту мужества. И особенно теперь, когда сказано, что атмосфера очень напряжена. Информация Тарухана о новом самодовольстве немцев вызвало у нас сожаление. Если они опять проявят самомнение, то снова получат удар в спину. Потому что самомнение неизменно получает напо-

минающий удар. Мы обеспокоены тем, когда же пришла мысль о вечере 20-го апреля в Majestic. Это будет для него хорошим уроком. Нужно ли соприкасаться с пылью Парижа? И ворошить старые раны от врагов? Всякий ушедший вызывает теперь чувство зависти.

По указу Учителя мы предложили Адьяру основать художественный музей имени Блаватской и отдать туда «Вестника», который был там закончен. Предложение было принято, и вдобавок они попросили статью для первого художественного приложения «Теософиста». Я напишу статью «Простота, Красота и Бесстрашие». Эту информацию о «Вестнике» можно дать в прессе. Ваша идея передать картину Храму нам близка. Но вопрос в том, какую [из них] передать. Трудно принять решение, не зная, как картины расположены на стенах. Информировать их о нашем решении в принципе, и, когда мы получим каталоги, мы решим. Пришлите, по крайней мере, десять книг Селивановой. American Express вместо пятидесяти экземпляров Селивановой прислал целый ящик «Листов Сада Мории». Мы больше не будем использовать эту фирму. Лучше через «Mackennon Mackensie» - впервые эти двое господ встретились с нами на корабле. Мы купили ещё шесть тибетских изображений. Все вместе вышли по девяносто рупий каждая, совсем не дорого. Особенно интересна одна, с изображением Архатов, вкушающих фрукты и Амриту.

Юрий начал описания. Теперь это уже целая коллекция, и всё это довольно трудно достать. Одна очень дорогая, но очень красивая. Рай Падмы Самбхавы.

Мы прочли рецензию Dideriohs`a в «Messenger» - дружелюбная, длинная и бесцветная. И весь журнал определённно такой же. Прямо сейчас читаем, что Ориген имел титул Adamantinus.

Насколько же передаются те же самые близкие мысли, уже давно закреплённые в пространстве. Мы это знаем, но всё же как-то трудно вообразить, что вы уже сидите все вместе и что новички, ещё встревоженные от путешествия, осматриваются вокруг в чудесном редком окружении братства на земле. И как много можно выдержать, если посреди туч греха возможно такое единство самых разнообразных, неповторимых людей, цель которых – практическая космическая справедливость. От возможности осуществления этой мысли хочется принести самое дорогое в прекрасный сад. Идите, храня друг друга. Смотрите пронзительно, как соколы.

Духом с вами.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись перевод с английского)

15 апреля [1924 г.] Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Джеймсу Казинсу.

15 апреля 1924. Хиллсайд.

Дорогой д-р Казинс.

Ваше письмо доставило нам настоящее удовольствие. Конечно, не имеет значение, начнёт ли свою работу Музей имени м-м Блаватской в одной комнате или в отдельном здании. Важна идея, вокруг которой будут собраны лучшие творческие силы. У меня было несколько случаев начать большие Учреждения в одной комнате, но к концу года они владели просторными помеще-

ниями. Мы надеемся посетить Адьяр в начале следующего года и привезём мою картину «Вестник». К тому времени также может быть готова обещанная книга. Я сердечно приветствую Ваше решение иметь постоянный раздел об искусстве в «Теософисте». Согласно Вашему пожеланию, я пришлю Вам вступительную статью к началу октября. Будьте добры, дайте мне знать, к какой дате я должен прислать эту статью. Буду очень счастлив познакомиться с Вами лично.

P.S. Только что получили Ваши книги. Большое спасибо. Мы будем безмерно наслаждаться ими. Может быть, вы сможете посчитать мне смету небольшой книги, около пятидесяти страниц, с одной репродукцией, 2000 экземпляров в очень недорогом издании? Я знаю, Вы тесно связаны с весьма полезной творческой работой. Пожалуйста, передайте мои сердечные приветствия конференции. С самыми добрыми пожеланиями лично Вам.

Искренно Ваш.

Николай Рерих

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись перевод с английского)

17 апреля 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

17 апреля 1924.

Родные и любимые. Вместо письма Иск. Х. сегодня сидела и переписывала эту статью, которую мы неожиданно получили из Харбина. Кто такой Е.Б. мы не знаем. Ни мой брат, ни Чистяков – не авторы. Это значит, что ещё и в Сибири есть какие-то невидимые друзья. Оцените, как это своевременно. Обязательно напишите Чистякову по поводу представительства «Алатаса» в Харбине. Нам было сказано, что надо опубликовать на русском «Пути благословения». Я посылаю здесь список содержания [книги] для директора «Алатаса». У нас много новостей по учению. Это дела огромного значения. Вы замечаете, насколько большего размера стала Венера? Так называемая утренняя звезда. Это знак новой эры человечества. Духом с вами *Р.*

Директору «Алатаса»; содержание книги «Пути Благословения» (на русском). Формат такой же, как «Адамант».

1. Пути Благословения (4 статьи, Санта-Фе, 1921). Есть ли у вас все четыре на русском? 2. Одевание Духа. (Чикаго, 1922). 3. Красота и мудрость (Лондон, 1920). Можно было бы назвать «Адамант». Есть ли у вас русский текст? Копия была среди архивов школы. 4. Струны земли. (Мысли в Сиккиме), Талай Пхо Бранг, 1924. 5. Новая Эра (я пришлю её) 6. Одевание Красоты (Талай Пхо Бранг, 1924. Я пришлю её через месяц от сегодняшнего дня).

Соберите всё, что у вас есть на русском, отпечатайте и пришлите мне для правки. Отсюда я могу посылать материалы сразу в Париж. Таким образом, Тарухан был прав, объявив о «Пути Благословения».

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись перевод с английского)

20 апреля 1924 г. Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к Шибееву В.А.

Христос Воскресе!

Родной Яруя, привет к празднику. Перешлите приложенный конверт моему брату в бывший Питер. У нас всё идёт бодро и деятельно и даётся целая волна учений. Надеюсь, Вы также радостно действуете, и всё идёт вперёд. Пишите нам, родной наш, о всех переживаниях духа.

Нет ли новых? Кому даёте Книгу Учителя?

Духом с Вами ✍.

Не было ли вестей от Тумаркиной? Авирах нашёл следующие данные о Соломоне: "Solomon corresponds to the Sign Leo". "A deep valley separated in ancient time the city of David from Mount Moriah. In Solomon's time it was traversed by means of a "Sacred Bridge". "The Stone was deposited in a subterranean vault of Mount Moriah". "We read in Judra Rabba — the black colour in the eyes of the <Mikroprosopus> is like that of the Stone". "The task to raise the Stone entrusted was by Log[os] to Solomon"³.

Не показываются ли новые в Риге? Есть ли у Вас встречи с молодёжью? Конечно, эти новые души имеются в каждом городе, но надо найти дверь к ним. Чахембула пишет, что его кружок просит его быть учителем. Но ведь для его кружка он и будет учителем по праву естественного первенства призвания. Ведь ему указано найти семерых и чтобы каждый из них тоже нашёл семерых. Как бы отдельные кружки, связанные естественным каналом старшинства. Пусть подмечает духовно-психические особенности каждого нового.

Публикуется по: Н. К. Рерих. "Дерзайте!" Письма (1921-1925). Абакан. 2012

20 апреля 1924 г.
Письмо Н.В. Кордашевского к Рерихам Н.К. и Е.И.

20.4.1924

Христос Воскресе!

Пишу Вам в первый день праздника, и мысленно - с Вами, дорогой Учитель. Благодарю Вас за письмо от 19 марта. Будьте спокойны за меня. Мне были даны трудные испытания - но и силы, чтобы их перенести, - были также низведены на меня. В душевных бурях, во внешних неудачах я обрёл силы и немного больше мудрости. Мне совестно за мои отчаянные письма, в которых выявилась вся моя духовная нищета. Надеюсь, что впредь я буду сильнее и терпеливее. Испытания, действительно, были горнилом. Уже при последних ударах - я был находчивее, умел устанавливать равновесие - сразу ставить мысль на сознание: почему мне даются испытания и что я из них должен почерпнуть.

Во мне нет больше желаний. Я просто готов принять одинаково и страдание, и радость (внешнего мира) - зная, что всё дается из одного Источника и

³ «Соломон соответствует Знаку Льва». "Глубокая долина отделяла в древности город Давида от Горы Мориа. Во время Соломона ее пересекал "Священный Мост". "Камень хранился в подземном своде Горы Мориа". "Мы читаем в Judra Rabba — чёрный цвет в глазах Микропросопуса подобен цвету Камня". "Задачу поднять Камень Мировой Разум доверил Соломону"» (англ.).

мне на пользу. Я научился понимать, что мой Отец может дать мне все и во всех областях и даст мне необходимое для меня в каждый нужный момент. Если я попадаю в кажущиеся трудные положения, то рука Его посланцев близка и всегда выхватит меня из тяжёлого положения - когда это будет необходимо. Прежде эта мысль была у меня только в минуты спокойного философского созерцания - теперь я применяю её в самой гуще жизненной битвы.

Сделал и интересное наблюдение. Переезжал реку. Было опасно. Лодка черпала воду. В себе не ощутил я ни малейшего страха и заметил... что на моём лице улыбка. Я знал, что надо мной Щит. Это спокойствие - было спокойствие, мной заработанное. В крайнем случае - только моя оболочка могла утонуть.

Благодарю Вас за предлагаемую помощь через брата Ярую. Но разве помощь, идущая Свыше, прямо от Источника, не значительнее? Надо только верить. До сих пор мои письма, мои просьбы о помощи - были таким недоверием к Учителям Светлым. Ведь я, не доверяя их помощи, просил её у людей.

Я теперь знаю, что надо ждать помощи только Свыше. А помощь эта приходит без промедления и ни на секунду раньше, ни на секунду позднее, нежели это нужно. Разве я буду отличаться чем-нибудь от обывателя - если у меня не будет веры. Болтать о «Пути» это одно. Идти по нему - другое. Я хочу второго. Легко считать себя учеником Христа, но труднее быть им. А самое скверное - это воображать себе то, что не есть на самом деле. А я именно и был таким до испытаний. Моя эволюция чисто внутренняя - это я заметил. Главная работа это перековка мирозерцания. Идти этим путём мне пока, верно, должно. Надо на деле искать Царствия Божия внутри, а на остальное смотреть как на приложение, предоставив заботы об этом Провидению. Люди делают наоборот - ищут приложений и изредка ждут и Царствия Божия, которое не получают, заботясь исключительно о земном. Что бы я хотел - это одно - силу помогать людям. С любовью шлёт привет

Чахембула

Публикуется по изданию: "Дельфис" №21(1/2000)

20 апреля [1924 г.] Дарджилинг
Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

20 апреля.

Родные и любимые. В первый день праздника я отправляю вам письмо в виде статьи «Звезда Утра» для «Теософиста». Будьте так добры, переведите её совместными усилиями и сразу же пришлите английский текст. Русский текст можете отдать Тарухану для русской книги «Пути Благословения». Вставьте в английский текст девиз «Мастер Института» и «Корона Мунди» из наших брошюр. Мы знаем, что вы будете переводить её широко и звучно, так как это первое художественное приложение в этом журнале. Мы испытываем чувство свободы, отдавая вам эту работу, потому что в ней много объединённых мыслей, созвучных данному нам учению последних дней. Подготавливая русскую книгу, Тарухан мог бы дать небольшую страницу от издателей. Если мы получим экземпляр русского текста, пошлём его с корректурой прямо в Париж, и этим сократим месяц на доставку в Париж. Конечно, Тарухан может написать издателю о книге и сообщить Шкляверу о получении текста. Мы посылаем статью Кумара Халдера, директора школы в Джайпуре. Его считают лучшим

из молодых художников в Индии. Посылаем её для архива и для цитат. Вчера, в субботу вечером до полуночи, были приняты записи о замечательных, ярких, поразительных подробностях жизни Христа, вплоть до тридцати лет. Приход Христа в Корея – Мориа вызывает слёзы на ваших глазах так же, как и его дальнейший путь. Эта крепость подобна алмазу, и решение не требовать ничего взамен, разве это не наполняет дух страстным желанием сделать, по крайней мере, хоть что-то. Также обратите внимание на видение Иезекииля; эти колёса имеют особо глубокое значение. Видно ли из Нью-Йорка беспрецедентное увеличение Венеры, звезды Матери мира. Отсюда она сияет как лампа в небе. Её появление в таком сиянии провозглашает новую эру, что было известно египетским иерофантам. Какое это замечательное время, если только не быть гневливым и слепым. Мы понимаем, что тёмные руки также протягиваются в последних конвульсиях. Но, зная заповеди, мы все их победим.

Духом всегда с вами.

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке. (Машинопись перевод с английского)

Пароход «Левиафан».

22 апреля 1924 г. «Левиафан».

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Н.К. и Е.И. Рерихам.

Пароход «Левиафан».

22 апреля 1924, 10 час. Вечера

Милые, чудные, светлые Учители!

Вашей светлой волею мы, двое, двинулись в океан - к берегам Америки.

Почти неопишимо чувство, с которым без 15 минут в 7 часов мы отчалили от берегов Европы на небольшом пароходе, чтобы в открытом море подняться на предназначенный корабль - чудо современных человеческих усилий и достижений.

Закатилось солнце в розовых облаках, и веером вниз спускались стреловидные лучи, и звонили многие колокола на шербургских храмах. Но море было без единой морщинки, и открывалась впереди беспредельность в молочной дымке — океан!!

Бедные, бедные Завадские! Чего они лишились, не сумев войти в открытые им двери. Ведь они истратили почти 800 долларов, должны ехать в 3-м классе, не имеют хорошей обуви и умирающую старуху оставляют без

средств (только на 2 недели оставят, благодаря вечеру). Что они будут делать в Америке без помощи, и до каких же пределов рассчитывают на помощь?

А нам даже неловко - до такой степени всё чудесно и внезапно красиво! И всё время с нами Вы двое и четверо! И ещё семеро, и ещё трое! Какие нити, какая сила! Крылья, крылья растут!

А ведь вчера ещё в Париже прочли во всех газетах, что «Левиафан» горит, что 3 часа горел, огромные убытки. Была паника, многие не поехали. Но мы решили не отступить, и оказалось, что правда, пожар был, но лишь в двух курительных комнатах первого класса и даже незаметно, где это. Такой это удивительный гигант-красавец!

И вот уже два часа, как мы на корабле. Уже роскошный наш багаж в кабине, и кабина - 4 места - для двоих нас, II класс - лучше 1-го на Волге. Обедали, как никогда ещё в жизни, под чудный струнный оркестр негритосов: такие славные, смуглые, узкоглазые, родные лица!

Завадские едут через 4 дня на «Аквитании». Старушка их явно долго не протянет и умрёт без них, на руках девочки. Мария Алексеевна всю эту историю истолкует по-своему, девочка останется одна, без средств, они в Америке будут терпеть моральные и материальные лишения, и я предвижу - тяжёлую драму. Помочь им надо, но нужна и рука-опека! Очень строгая.

Сейчас в зал, где я пишу за чудным столом, пришёл другой, французский, оркестр и снова поднимает мои крылья, и я чувую веяние Ваших лучей и стрелы Ваших мыслей, и желания головокружительно ласкают меня. К музыке я слаб, грешен.

Но знаю - пройдёт короткий праздник, и начнутся трудовые будни, но светлые и радостные, рядом с новыми друзьями и братьями, и ничем-то нас теперь нельзя напугать, всё красиво и радостно. Только удалось бы выдержать в смысле здоровья, а всё остальное - только полёт, охватывающий невыразимо красочные горизонты, и мы чувствуем, что будут праздники ещё более чудные и светлые! Ведь предстоит видеть Храм-Музей с Вашими бессмертными творениями! Боже, Боже! Ты так воочию и близко существуешь! И существуют Пророки Твои! Благословите же, благословенные!

В молитве за Вас и с Вами вовеки,

Тарухан

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25 (1/2001)

24 апреля 1924 г.

Телеграмма Н.К. Рериха к Шибяеву В.А.

24 Apr. 1924.

PLEASE SEND ME MY RUSSIAN STORY FLAME AND OTHER
RUSSIAN ARTICLES GREETINGS ROERICH*)

*) Пожалуйста, пришлите мне мою повесть «Пламя» на русском языке и другие статьи на русском. Приветствую, Рерих (*перевод с англ.*).

Архив Музея Николая Рериха, Нью-Йорк.

**25 апреля 1924г. Дарджилинг.
Письмо Н.К. Рериха к Шибаяеву**

Далай Пхобранг
(тибетцы называют наш дом)

Родной Яруя,

Пришло Ваше письмо от 24 марта. Конечно, в этот день мы все были особенно соединены. Знает ли Чахембула, как надо почитать этот день? Его письмо тоже порадовало. Как всегда бывает, когда он благополучно прошёл через опасность, то ему посылаются новые возможности и новые люди. Вероятно, скоро придёт и маленькое материальное облегчение, но пусть не пропустит его. Ведь даётся настолько, насколько надо - не больше. Иногда и материальные затруднения полезны.

Сейчас именно они избавили его от губительной женитьбы. Ему есть за что расплатиться, ибо темник при Тамерлане оставил «долги». Темник - начальник 10000 воинов. Но теперь началась для него полоса строительства. Пусть: «*Поменьше магии*». Пусть помнит: «*Простота, Красота и Бесстрашие*». В плане будущих строений нужен тот простой мощный подход, которым отличалось основное учение Христа и Будды. Лишь потом оно было усложнено и запылено неталантливыми комментаторами. Сейчас дано много потрясающих учений и даже указано начать собирать новую (вторую) Книгу. Мне очень нравится, что Вы пересылаете письма Чахембулы. В знак общности я тоже буду писать Вам общие письма, а Вы дайте ему читать их — ведь там расстояние близкое. Как Виринген? Как жена его? Продолжается ли приближение? Как Синевич? И Ложа? Вы так хорошо начали последнее письмо: «Что же делать 24 марта, как не писать Вам». Так и есть, — эти два часа в неделю, затраченные на кристалляцию мыслей, очень ценны. И когда узнаешь новые области Учения, то скажешь: право, стоит жить на этом свете, где так много красоты и блага. И всякий стремящийся может получать его.

Какие планы к распространению Книги Учителя? Вы знаете, что лучше всего находить новые пути, неожиданные. С Макаренко можно поддерживать связь, но *духовно* он далёк. Послал Вам телеграмму, прося выслать русский текст «Пламя» (помните, Вы достали от Гессена) и другие мои статьи по-русски. Будет издана русская книга.

Духом с Вами,

Н.Рерих

Публикуется по изданию: Вестник Ариаварты. 2002. № 1

**25 апреля 1924 г. «Левиафан».
Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Н.К. и Е.И.**

25 апреля 1924, 10 час. Вечера

Чувствуемые всегда и ведущие!

Исполнилось трое суток, как мы на корабле. Уже, после первого утомительного покоя, два дня бушевал шторм, и мы оба с Татьяной свалились (я с позором, а она без позора), и уже встали, снова выправились, и уже прошли

пучину - уже перевалили половину океана - и ни на минуту не забыли, куда мы едем, под чьей хранящею рукой и для каких целей. И потому не было ни тени сомнения и нет, в том, что мы у цели будем. Были, впрочем, мы и готовы к перевоплощению и, точно сговорившись, думали покорно отдать тела волнам, а души Вам. Но приутихла буря, и только дрожь корабля напоминает о ней, и снова всё живёт и движется на нём, танцует и поёт, ест и курит, и болтает. И может быть, только мы двое несём в сердцах благовую весть и чистые помыслы в страну с орлом величавым в круге под 13-ю звёздами.

Говорил ли я Вам, что это число для меня всегда было счастливым, и я люблю его? И вдруг вчера сосчитал на знаке звёзды - тринадцать!

Всё ещё не верится, что мы уже перевалили половину пути в Америку. Давно ли мечтали, грезили, трудились со сборами, изнемогали - и вот едем. Знаем, что впереди трудов много, но всё самое тяжёлое всё же позади. Уже одно то, что на берегу нас ждут родные и любимые люди, ждут, считают дни, а мы считаем часы - какая красота, какая присяга очищения во имя Его, Богословенного и Ведущего ко Благу! И складываются практические думы, как ступени восхождения к ним и с ними к общей созидательной работе. Но попутно складываются и будни, день за днём, чёрная работа, чтобы независимо достигать и одолевать. Так, может быть, успеем устроить вечер с артистами МХТ (Московского Художественного театра) или мою лекцию о Сибири для русских, если на общем совещании братьев это будет одобрено. А главное — будем торговать книгами и всячески трудиться.

29-го, утром. Сказка продолжалась вчера до 7 часов вечера, когда уже с пропусками в кармане, мы, стоя на борту, в одну секунду (одну из секунд) одновременно встретили орлиный взгляд Логвана. Всё было вовремя и чудесно. Чудом оказался пропускающий чиновник - бывший русский литовец, и Каталог Рерих-музеума оказался лучше контрактов, виз и паспортов. Я опишу это в Летописи подробно, как опишу каждую значительную минуту, как и всех братьев и сестёр по очереди и в образах.

Пока захвачен одной мыслью: дожидаться 2-х часов сегодня, когда должны увидеть Музей и Школу и говорить об «Алатасе».

Пока бросаю это письмо в почтовый ящик с чувством таким, что это письмо ещё не весть о прибытии, а весть о прибытии будет иная, новая, написанная иными словами. Радостно, радостно!

Как я ни спокоен, как ни владею собою - я весь в трепете от волнения и радости и соприкосновения с Вами через них.

Г. Гребенщиков

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25 (1/2001)

27 апреля 1924 г. Дарджилинг

Письмо Н.К. Рериха к сотрудникам в Нью-Йорке

27 апреля 1924.

Родные и любимые.

Читаем сообщение Авираха о Соломоне, Камне и имени Россул, и мы изумлены, как много было дано народам, и они снова забыли всё это посреди

пыльной суеты. Мы только что получили письмо от Казинса – они просят напечатать «Вестника» в первом номере «Теософиста», где будет начато первое художественное приложение, как было сказано – так и делается. Даже представить трудно, как Учитель предвидит все детали. Пусть Тарухан не огорчается от отказа со стороны Хофгуд. Пусть он встретится с ней один. Ему следует спросить её совета. Но не должно быть никаких связей через переписку – в таких случаях они довольно болезненны. Ценен только личный контакт. Тарухан может *так много ей сказать*. Конечно, может быть не нужно начинать с перевода такой большой книги как «Чураевы». Даже Киплинг и Лондон сначала раскрывались в маленьких рассказах и повестях.

Люмоу сейчас занят организацией своего маленького дела, связанного с мускусом. Мы поддерживаем его всеми способами, потому что: 1) это было дано ему, 2) это даёт выход его энергии, 3) он хочет стоять на своих ногах, и это вызывает уважение. Даже если у него не будет «большого дохода», внутреннее значение может быть велико, так как это из аптеки М.М. По поводу транспортировки можно связаться с Яруей.

Юрий начинает описывать тибетские картины. Это будет прекрасная небольшая книжка. Я советую ему включить ещё одну статью: «День тибетского иконописца», так как это в целом добавит интерес для публики. Я только что закончил картины из серии «Его Страна»: «Жар Цвет» и «Превыше гор».

Н.К. Рерих Жар Цвет. 1924.

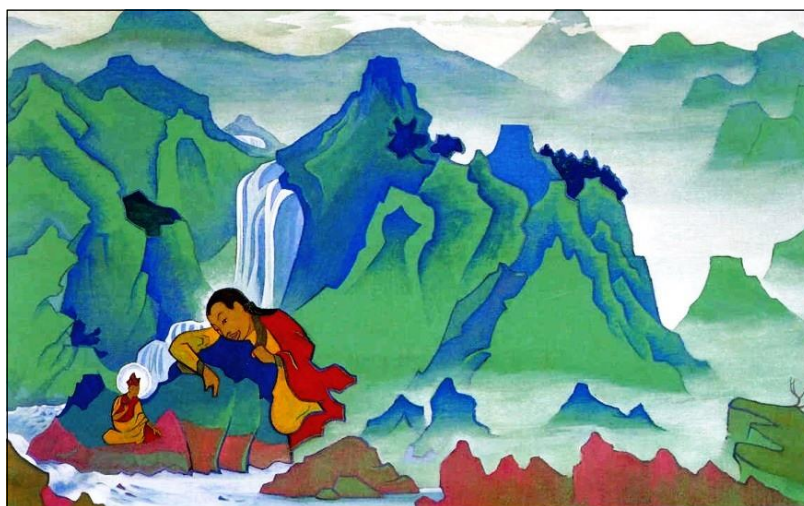

Н.К. Рерих. «Превыше гор» 1924.

Теперь я пишу «Падма Самбхава» (он разговаривает с духами гор).

Н.К. Рерих. Эскиз к картине «Падма Самбхава». 1924.

Н.К. Рерих. **Падма Самбхава**. 1924.

Иск. Х. просто перегружена писанин. Она должна писать целыми днями. Так много Учений! Кроме того, надо начинать вторую книгу. И сделать копию предыдущих учений, чтобы не рисковать только с одним экземпляром. Подумайте только, даже сильнейший шторм и шум дождя по железной крыше, лай собак и пронзительные крики птиц не мешают ей слышать. Но слушать ночью и успевать записывать, по крайней мере, какую-то часть – это такая работа! Вы посылаете нам по несколько интересных вырезок из газет. А у вас остаются вторые экземпляры? Потому что для архива учреждений ничто не должно быть потеряно. Если вам будут нужны какие-то вырезки для архива, пометьте их словом «возвратить», и мы вышлем их вам обратно. Мы вам отправим с Люмоу несколько книг. Мою большую книгу с заметками из прессы мы также пошлём вам, потому что здесь она абсолютно не нужна.

Я не планирую здесь выставляться. Всё идёт так широко и по-новому, что старые проявления становятся просто неуместными. Кроме того, всё, что имеет отношение к моему искусству, должно быть сосредоточено вокруг Музея и

Короны Мунди. В этом решении огромное духовное значение и практическая польза.

В общей сложности Люмоу привезёт довольно много всего. Сейчас ему даются такие медицинские Указания, что эти открытия, сделанные в ряде лабораторий, могут принести неоценимую пользу человечеству. Как удивительно был послан на наш путь д-р Хилле, он как раз тот человек, который может постигнуть природу того, что даётся. Мы следим за вашими сообщениями о русской выставке. Невозможно понять, как покойного Серова включили в группу сражающихся художников? Мы думаем, не организовано ли это несколькими художниками под флагом распродажи захваченных частных коллекций? Грабать очень подходит для этого. Понаблюдайте за результатами. Прилагаемую вставку, пожалуйста, включите в статью «Похвала врагам». Мы получили от княгини Четвертинской письмо странного «церковного» характера. Они действительно считают нас некоторого рода вероотступниками и не подозревают, что вопросы истиной Единой Религии близки всем. Она сообщает «новости», что «Гребенщиковы собираются в Америку». Как мало люди догадываются о том, что происходит. И какое благо, что они не подозревают! Только объединённые маленькие группы могут двигать дела. Кстати, напишите Яруе и прибавьте, что вы слышали от нас одобрение новых небольших кружков, начатых Чахембулой. Теперь, когда его разрушительный брак распался, очевидно, он получает новые «конструктивные» возможности. Всё всегда приходит *вовремя*.

Мы крепко-крепко вас целуем.

Духом всегда с вами.

£

Архив музея Николая Рериха в Нью-Йорке (машинопись перевод с английского)

28 апреля 1924 г.

Письмо Н.В. Кордашевского к Рерихам Н.К. и Е.И.

28.4.1924

Дорогой Учитель,

Писал в прошлом письме, прося совета. И была это опять слепота духовная. Не должен был я просить. Вижу теперь сам, что надо делать. Если корабль мой у пристани - надо садиться на него, с радостью идти путём указанным. Дважды зов не повторяется, и горе тому, кто не последует этому зову и... уклонится. И всё личное должно быть отдано в жертву, все желания отброшены. Делаю это с радостью также. Но если расстроится, что тоже может быть... и тогда буду находчив и пойму. Ничего не бывает случайно. Смотрю на это тогда, как на испытание силы безропотности и доверия, родившихся во мне. Радуясь одинаково и пути, и испытанию, ибо даны с Любовью, - живу упованием в Водительство. Большая простота в решении, когда оно правильно. А что решение правильно - я чувствую.

1-го мая отправлю извещение о своём согласии ехать на предлагаемую должность в страну Аллал-Минга через сестру владельца фосфатного завода, которая живёт недалеко от нас, и положусь на волю Божию. Внутри идёт опять сложная работа - получают извне уроки, которые стараюсь понять.

То, что дано было, - прошло с большой пользой в конечном результате. Но тяжело было очень - один из самых тяжёлых периодов в моей жизни. Вероятно, впереди ждёт меня новое. Новые испытания, новые лавины кармы. Но первые бури закалили меня, и надеюсь быть более мудрым.

С любовью шлёт привет

Чахембула

Публикуется по изданию: "Дельфис" №21(1/2000)

30 апреля 1924 г. Нью-Йорк

Письмо Г.Д. Гребенщикова к Рерихам Н.К. и Е.И.

30 апреля 1924.

На Гималаи первая весть из Америки.

Учители светлые!

Первый шаг наш на землю Американскую ознаменовался чудом великого значения. Опишу его особо, с особой любовью и неторопливостью.

Нельзя всё описывать и, может быть, не следует сразу: так сильно чувство умиления перед братьями и сёстрами и так таинственно и тихо зацветает в душе новая Радость. Радость моя отныне не личная, а как будто я почувал себя струной в едином музыкальном инструменте, и одна боязнь-забота: не сфальшивить бы, не нарушить бы гармонии.

Но слышу песню песней дивную и изъясню ли радость сознания, что и мои звуки могут звучать в этой песне, и Вы ли не поймёте - как это почувал я, вступив на первые ступени Храма Вашего, Храма нашего, Храма Его!

И вот знайте и порадитесь за меня - новыми глаголами просится к выражению душа моя. И сердце моё затеплилось неугасимым огнём тайны и ясности, и нету пока слов выразить всё величие минут, внутри Храма проведённых, творениями Вашими озарённых и безглагольно-глаголющих.

Дивный Учитель наш, Рерих! Благоговейным поклоном моим свидетельствую Вам, что никогда не представлял, чтобы семеро людей, возглавленные Логваном, могли дышать столь созвучно эфиром, Вами очищенным. Никогда не мог я думать, чтобы семеро, как единый ученик усердный и чистый, могли столь послушно и радостно следовать за каждым движением духа Вашего, и чтобы так жадно ловились на лету все слова, как капли дождя цветами, слова Ваши, наших учителей единственных...

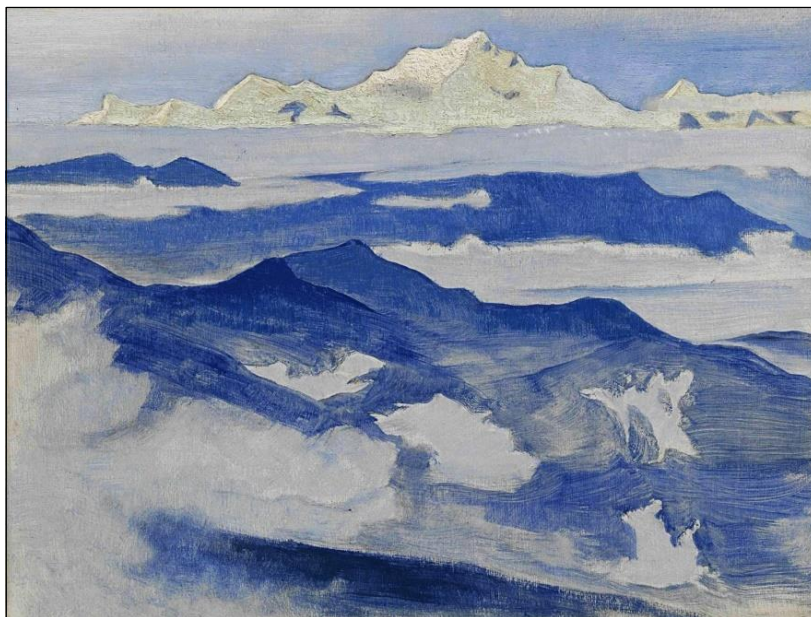
И почувал я, войдя в Храм наш (наш, наш теперь - какое это счастье!), почувал и увидел, сколько окон из него открыто в мир и в беспредельность, ибо каждая картина Ваша - свет неизреченный, лучами поступающий из космических эмалевых глубин. Каждый труд Ваш - луч счастья, - и это они все семеро почували, и все озарены, и как в броню одет, в кольчугу закован, главный вождь их - Логван, - да будет хранима всеми нами любовь к нему и благодарность всех, получающих лучи в Доме Учителя!

И как же Вы почуваете моё приобщение к этой семье священной, когда узнаете, что и мне уже отведён светлый угол в доме этом для работы. Не словами, но трудами в нём я буду выражать все мои чувства благодарности и радости и чую в себе трепет устремления, и радостной слезой сегодня утром при пробуждении полил я росток своей готовности радостно умереть с мечом в руках у ступеней храма, если бы приблизились враги и осквернители.

Но чую, что яко от лица огня тает воск - расточатся враги Его, и Свет бессмертия, Вами нам указанный, поможет нам в битвах за мир всего мира! И аз, смиренный летописец, первой вестью этой к Вам свидетельствую о великом чуде, мною видимом.

Тарухан

Публикуется по изданию: "Дельфис" №25 (1/2001)

Н.К. Рерих. Вечер. 1924 г.

Н.К. Рерих. Эскиз с домом. 1924.